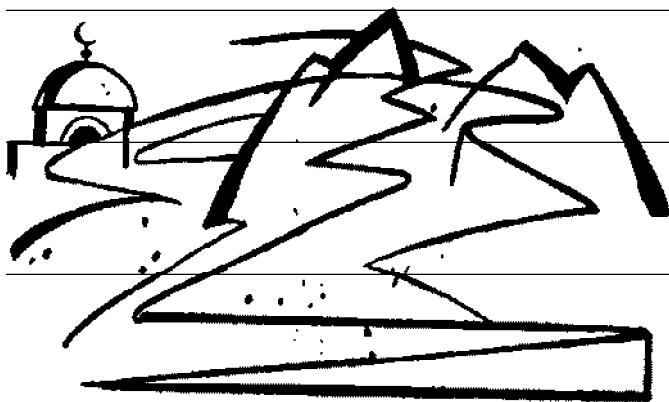
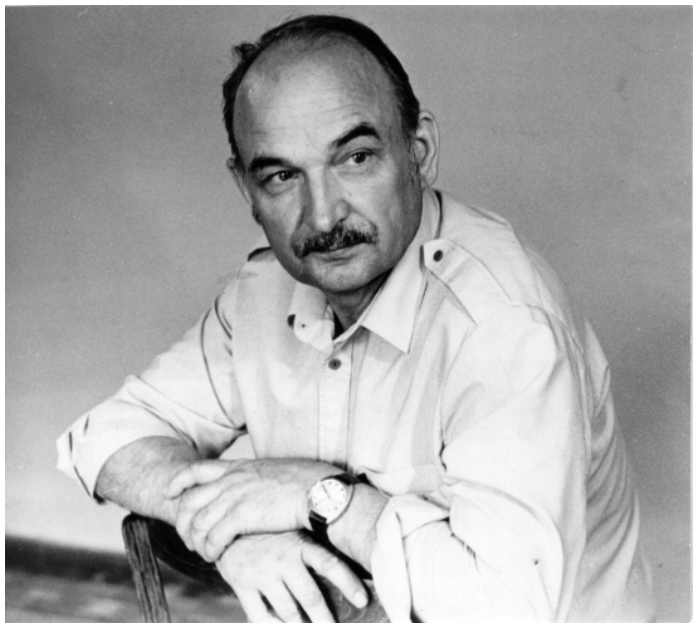

Геннадий Устюжанин

ЖЕСТОКИЙ ВЕТЕР «АФГАНЕЦ»

Геннадий Павлович Устюжанин родился в селе Усть-Уйское Целинного района Курганской области в 1933 году. После окончания Шадринского сельскохозяйственного техникума работал агрономом в колхозе «Верный путь» Мокроусовского района. Четыре года служил торпедистом на эсминце Тихоокеанского флота. Был секретарем райкома комсомола. После окончания факультета журналистики Уральского университета работал редактором газеты, секретарем райкома партии, завотделом Курганского обкома.

Всю свою жизнь автор верен своей журналистской профессии. Лауреат областных, региональных и Всероссийских конкурсов, премии Губернатора Курганской области. Автор книг: «Ленькины цветы», «Генерал Кравченко», «А еще был случай...». Его повести, очерки и рассказы публиковались в центральных и местных альманахах и журналах, в коллективных сборниках, таких, как «Курганская область», «Книга Памяти. Войны-интернационалисты», «Книга Памяти. Чечня», «России доблестные даты» и других.

В 1983 году Геннадий Павлович был командирован в республику Афганистан советником ЦК КПСС при Народно-демократической партии Афганистана. Два года работы в воюющей стране оставили глубокий след в его сердце и памяти. Некоторые впечатления о жизни афганского народа, работе советнического аппарата, жизни советских и афганских военнослужащих легли в основу настоящей повести, которую автор с волнением представляет на суд своим товарищам –афганцам и читателям.

*Я снова куда-то спешу, как всегда,
Сквозь встречи, прощанья и споры,
А память несет меня снова туда,
Где к небу вздымаются горы.
Где пылью «афганец» закрыл небосвод
И солнце в зените пылает,
Где долго над взлетной кружит самолет
И веер ракет рассыпает.*

Леонид Молчанов

ГЛАВА 1

Вертолетная пара размашисто гребла лопастями винтов выцветшее небо Кабула. Старший лейтенант Юрий Иванович Ольков, прильнув к иллюминатору, с любопытством рассматривал с высоты птичьего полета афганскую столицу. За неделю пребывания в ней он несколько раз выезжал из штаба армии, чтобы посмотреть город. За полузашторенными окнами «уазика», мчавшегося на приличной скорости, мелькали дувалы, арыки, однообразные постройки. Здесь все: и земля, и дома, и люди казались какими-то песчано-серыми, составившимися. «Город без красок», – таким осталось впечатление о Кабуле у Олькова.

Теперь он то устремлял взгляд к горам, всматриваясь направо и налево, то опускал глаза к жилищам в горах и долинах, то пробегал взглядом по горизонту -- цельного города не вырисовывалось. Голубые минареты мечетей да несколько десятков зданий европейского типа, высившихся в центре, близ реки, как бы притягивали к себе разбросанные по горной котловине более сотни кишлаков и кишлачков. Кривые улицы, ручееобразные дороги и тропы растекались по сторонам от центральных магистралей столицы. Они скатывались в долины и распадки, карабкались на горы, где зачастую крыша одного строения была двором, приютившегося выше жилища.

С высоты четко прорисовывались плоские крыши, высокие дувалы, редкие зеленые клочья садов и огородов на древнем выцветшем лике земли.

Проплывавший внизу пейзаж не радовал глаз, не волновал сердце.

«И за эту выжженную богом и солнцем землю умирают люди?» – мысленно спрашивал себя Ольков.

Вертолеты будто сносило в сторону. Их легкие тени уже скользили по распластавшемуся внизу плату, такому же серому, пустынному и уставшему.

За неделю, что Юрий Иванович пробыл в армейском штабе, он понаслышался о коварстве здешних воздушных дорог, хотя они считаются в Афганистане самыми надежными видами сообщения. Душманы то обстреливают самолеты и вертолеты из пулеметов, то норовят сбить ракетой. Говорили даже, что появились у них и зенитные пушки.

«И где тут душманам прятаться? – размышлял Ольков, вглядываясь в пустынную местность. – На многие километры все видно, как на ладони».

Человек в армейской одежде, но без погон, сидевший рядом с Юрием Ивановичем, легонько толкнул его в плечо, прервал размышления.

– Что засмотрелся, старшой? Видать, новичок в Афганистане?

Ольков утвердительно кивнул.

– Так точно, новичок. Назначен взводным. Лечу к месту службы, в Панджшер. Есть там поселок Руха, а в нем стоит наш полк.

– На бойкое место попали. Скучать не придется.

– Бывали там?

– Бывал. Да кто и не бывал там, знают, что такое Панджшер. Он, как больное сердце в груди Афганистана, спазмы там, а боль отдается по всей стране.

– Значит, придется доктором при этом «сердечке» состоять, – заметил Ольков.

– Стало быть, так. Дай-то Бог, чтоб только состоять. Спокойно в Панджшере – ровный пульс на Саланге. А Саланг – жизненная артерия всей страны. Так и понимайте, что вам здесь доверено. Об этом вам еще не раз командованием будет сказано. А пока вон туда посмотрите.

Юрий Иванович снова принял к иллюминатору. Метрах в пятистах от них летел пятнистый, как леопард, самолет с опознавательными знаками афганских ВВС.

– Не туда смотрите. Берите к земле. Видите крепость? Афганская Бастилия. По просьбе короля специалисты из ФРГ ее возвели. Немецкий опыт по строительству тюрем со времен фюрера высоко копируется. Стены, решетки, запоры – надежней надежного.

Короля давно нет, но и при новой власти заведение не пустует. Бурно ликовали афганцы, когда, после апрельской революции, Тараки – бывший генсек народно-демократической партии Афганистана – приказал освободить отсюда узников короля. Сотни арестантов счастливыми уходили домой под восторженные крики народа...

Но еще не успел выветриться спертый запах из тюремных казематов, а правая рука тогдашнего партийного лидера Хафизула Амин, руками охраны генсека вероломно задушив своего наставника, вновь переполнил камеры крепости узниками. Теперь здесь оказались его однопартийцы, активисты парчамистского крыла, сторонники Барака Кармаля. Их здесь истязали намного «искуснее», чем узников при короле.

Новый этап в революции и наш приход в Афганистан спасли от смерти тысячи обреченных. И снова покидали стены крепости узники под ликование многотысячной народной толпы. Власть -- это всегда не просто, это всегда насилие. На востоке, где нет устоявшихся законов, оно зачастую стихийно и может обрушиться на людей, как горный обвал.

– У вас богатая информированность о здешних делах и в волосах седина, а вот в какой вы должности и чинах – не пойму.

– Должность моя – мушавер шурави.¹ Воевать я уже не подхожу. А форма..., чтобы выглядеть, как все здесь.

Крепость уже исчезла из виду, когда Ольков на сером с бурыми подпалинами окаяме земли заметил колонну. Она катила навстречу вертолетам. Летчики, видимо, выбрали свой маршрут над дорогой, где душманам не так просто устроить засаду и вести обстрел.

В голове колонны шел БТР. За ним следовала цепочка наливников. С высоты все это казалось игрушечным, напоминало кадры из кино. Замыкал колонну бензовозов грузовик с крупнокалиберным пулеметом на платформе и машина технической помощи.

– Прорвались ребята через «зеленку» у Чарикара, – сказал советник, смотревший тоже в иллюминатор. – Теперь до Кабула недалеко. Даст Бог, добегут.

Но вдруг головной БТР подпрыгнул козлом. Под ним вздыбилась земля, полоснуло огнем... Стальная машина, далеко по сторонам разбросав колеса, ударилась грудью в седые камни. Над ней высоким столбом клубилась копоть и пыль. Столб этот медленно сносило к горе, горбившейся вблизи дороги. По ней же рьяно огненными трас-

1. Советский советник

сами долбал пулемет с грузовика сопровождения.

«С перепугу палит», – подумал Ольков.

– Типун бы мне на язык. Изурочил видно. Здесь гоп не говори – пока не перепрыгнул, – ругал себя советник. – Казалось, уже все позади. И такая напасть. На мину, видать, наскочили. А может, и управляемый фугас сработал.

Видно было, как к месту взрыва бежали шоферы, выпрыгнув из кабин. По придорожной горушке все еще сердито бил пулемет.

Вертолеты подходили уже к зеленой с голубыми плесами долине, когда из зарослей змеиным жалом взметнулась в небо ракета. Она ударила в афганский самолет, взрывом срезала полкрыла, и машина, завалившись на бок, круто понеслась к земле. Из нее один за другим вываливались летчики. Купола парашютов сносило к поляне, на которой уже появились люди.

– Учужали добычу «духи». Спешат не упустить, – сказал советник, наблюдая за тем, что делалось внизу.

А вертолеты уже сравнились с поляной. Огненные трассы ракет черкнули из-под винтов ведущего, молнией ударили в душманов. Басмачей разметало взрывом. Оставшиеся в живых бросились назад, в заросли. Ведущий круто пошел на снижение, туда, где, сбросив парашюты, бежали афганские летчики. Они призывно махали руками.

– Поможем-ка им, старшой, – сказал советник, быстро расстегивая молнию замка спортивной сумки и вынимая оттуда автомат.

– Нет вопросов. Конечно, поможем! – отозвался старший лейтенант. Едва машина коснулась земли, Ольков выпрыгнул из дверцы вертолета. Советник последовал за ним. Они бросились навстречу афганцам. Двое из них несли раненого, третий прикрывал отход огнем из автомата.

Старший лейтенант сноровисто взвалил раненого на свои плечи и побежал к вертолету, где у открытых дверей бортмеханик устанавливал ступенчатый трап. Он помог поднять раненого, подталкивал в кабину выбившихся из сил афганцев, заскочил в вертолет последним, подняв трап. Машина взмыла в высоту. Над поляной кружил второй вертолет, прочесывая из пулемета зеленку. Ведущий, набрав высоту, снова лег по курсу.

Афганцы сбились в кучку у дверей. Они были в каком-то опьяненном состоянии. Страх и огромное нервное напряжение сменились вдруг чувством безмерной радости, им казалось, не вертолет, а сам Аллах вырвал их из рук смерти и несет под облаками к родному очагу. Глаза их искрились счастьем. А рядом Ольков, распластав шта-

нину комбинезона раненого, спокойно бинтовал ему ногу. Глаза летчика были закрыты. Он морщился от боли, но вместо стонов его губы шептали: «Ташакур,... Ташакур...!».¹

Закончив перевязку, Ольков пристроил раненого поудобнее, подложив под его голову свой вещмешок. Летчик, успокоившись, чуть приоткрыл глаза и благодарно смотрел на спасителей. Потом его черные ресницы распахнулись широко-широко. На бледном лице появилось подобие улыбки и радости.

– Рафик мушавер! Рафик мухторам! Ман сафар шома аст Джалалабад! Шома сохбатэ мара мокамал мифакмам?²

– Бале! Бале! – и удивленный советник, улыбаясь, закивал головой. – Деруст. Ма сафар птайера, аст Джалалабад.³

Вертолеты уже шли на посадку.

– Ну вот, старшой, я и на месте, – засобиравлся советник. – Афганцев оставим тоже пока здесь, в Баграме. А тебе еще лету минут двадцать-двадцать пять. Парень ты, видать, стоящий. Родом откуда будешь?

– Из Кургана. Первый сибирский город, за уральской грядой. Может быть, слышали? Мои родители там живут. Я – Юрий Иванович Ольков. – Он протянул руку, официально представляясь и одновременно прощаясь с приглянувшимся ему человеком.

– Значит земляки. Я тоже уралец, Григорий Петрович Павлов. Будете в Кабуле, заходите в ЦК, поговорим. – Советник крепко пожал на прощание руку, закинул на плечо лямку спортивного саквояжа, выпрыгнул из дверей и зашагал к бронетранспортеру, стоявшему неподалеку. Потом остановился будто в раздумье, свернул к санитарной машине, куда грузили раненого афганского летчика. Совсем как мусульманин обнялся и расцеловался с ним. Вскинул вверх со сжатыми пальцами руку и сказал по-афгански:

– Шефи бошид, рафик мухтарам!⁴

1. Спасибо,... Спасибо...!

2. Товарищ советник! Дорогой товарищ! Мы летали с вами в Джалалабад! Вы понимаете, что я говорю?

3. Да! Правильно. Мы летали самолетом в Джалалабад.

4. Поправляйся, дорогой товарищ!

К месту службы старший лейтенант Ольков прибыл той же вертолетной парой. В одиночку здесь не летают даже над Кабулом: могут сбить из любого двора. Группой надежной. Душманы больше всего бояться вертолетов. Особенно, когда пять-шесть машин начинают в небе «крутить карусель» над подозрительным районом. Тут не только выстрелить – поднять головы нельзя, сразу заметят, и от возмездия не уйти.

Приземлились близ берега речки. От работы винтов черным столбом подымалась к небу взбаламученная земля. На площадке, огороженной примерно в рост со всех сторон ящиками из-под снарядов, ожидали прапорщик и трое бойцов. Прапорщик подошел без излишней торопливости, по-хозяйски. Приложил руку к панаме:

– С успешным прилетом вас, товарищ старший лейтенант. Приказано встретить. Ротного лихорадка колотит. Лежит под тремя одеялами при наших-то сорока градусах.

– Воловик! – крикнул он разгружающему вертолет солдату. – Помоги старшему лейтенанту донести вещи. Мы тут без тебя управимся.

– Вы уж извините, товарищ старший лейтенант, – прапорщик снова повернулся к Олькову. – Я тут с грузом распоряжусь, да почту с вертолетом отправлю.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант! Рядовой Михайло Воловик у вашем распоряжении, – представился лихо солдат. – Дозвольте у ваш вещмешок и чеймодан, я снесу у роту.

– Вещи я сам донесу, а вот гитару возьмите. Только прошу, поосторожней, она – не автомат.

– Товарищ старший лейтенант, – солдат смотрел на офицера округленными, растерянными глазами, – да як же я у роты покажусь?! Вы с полными руками, а я – с гитарой?

– А вы думаете, Воловик, что в роте скажут, если я заявлюсь в казарму с гитарой в руках, а вы, как носильщик, с полными руками чужих вещей? Веселый старлей прибыл в роту, – подумают бойцы. – Смотрите, с гитарой шествует. Артист!

– Усе поняв, товарищ старший лейтенант. Вы, бачу, по политчасти служите, усякое свое действие обмозговываете наперед. Як оно выглядеть буде? Дайте тоды хоть автомат ваш понесу.

– Плохо Устав знаете, товарищ Воловик. Кто же личное оружие

отдает другим без особой на то нужды? Берите гитару, и вперед шагом марш. Я пойду следом за вами.

Командиру роты капитану Кострову Ольков представился сразу же. Тот сидел, облокотившись на пластиковый стол, взятый, видимо, напрокат из столовой. Лицо его было изжелта-бледным, губы обметало. На плечи наброшен солдатский бушлат.

– Черт его знает, никак не могу согреться. Колотун схватил и не отпускает. Эскулап наш таблетками пичкает. Без толку. Просил его, чтоб спирту бокал налил, может, помогло бы. Да он у нас жмот. А может, и вправду, ни хрена у него нет.

Капитан поднялся, застегнул огромный, явно не по росту, бушлат на верхнюю пуговицу и выглядел теперь в нем, как казак в кавалерийской бурке.

– Командовать в роте нам придется пока что напару. Двое офицеров у нас в отпусках, двое подхватили желтуху. Напились где-то из арыка воды при сопровождении колонны, теперь попали в госпиталь. Мы со старшиной тут хозяйничаем. Так что твое появление как раз ко времени.

Капитана снова начало знобить. Он кутался в бушлат. Губы его дрожали.

– Сейчас пойдём, взводу вас представлю, а потом отдыхай с дороги, приводи себя в порядок. Завтра, если желание будет, на один из выносных постов советую с бойцами сходить. Лучше с утра, до жары. Воду, хлеб и консервы отнесете, а главное, на местность посмотришь. Со скалы вся округа, как на ладони. Оглядишься – ориентироваться и командовать будет легче. Боюсь, как бы и меня доктор в госпиталь не увек.

Пришел старший сержант и доложил, что взвод построен.

– Ну, пошли знакомиться с бойцами. Народ у нас неплохой. Все понимают, что тут надо смотреть в оба, друг дружку оберегать, иначе хана.

У палатки стояли в две шеренги солдаты. Гимнастерки и панамы поотцвели, некоторые вместо ботинок были обуты в кеды. Капитан заметил пристальный взгляд Олькова и понял причину.

– Приходится допускать и такое вот нарушение формы одежды. Будь моя воля, на летний период всю бы армию в кеды обул. Завтра в горы пойдете, убедитесь в моей правоте.

На нового командира все смотрели с любопытством, и, видимо, каждый мысленно думал: «Ну, поглядим, что ты за человек?».

– С сегодняшнего дня вашим командиром назначен приказом старший лейтенант Юрий Иванович Ольков. Прошу любить и жаловать. Вопросы к новому взводному есть? – спросил капитан.

– Вопросов нет. Есть просьба.

– Пожалуйста, – кивнул командир роты.

– Мы видели, Миша Воловик гитару нес. Может быть, вы нам что-нибудь сыграете, товарищ старший лейтенант. Время сейчас у нас свободное, душа разрядки просит.

Ольков не ожидал такого поворота. И даже опешил. Но быстро нашелся:

– Извините, товарищи бойцы, я думаю, это от нас не уйдет. Я ведь не артист, чтобы вот так, сразу, взять гитару и запеть. У меня, пожалуй, сейчас и не получится. К песне душевный настрой требуется. А его пока нет. Как говорят в народе: «Придет время – песня сама прольется». Гитара и песня трогают, когда с их звуками сливается трепет сердечных струн, которые тоже умеют и петь, и грустить, и плакать. Так что давайте спешить не будем.

Ольков посмотрел на стоявшего в голове строя сержанта. – Товарищ старший сержант, поскольку вопросов нет, действуйте согласно дневного распорядка.

Офицеры пошли к штабу.

– А ты молодец, Ольков. Быстро сообразил. И дельно. Мне бы так удачно, пожалуй, не выкрутиться. Честное слово. – Ротный помолчал и в раздумьи добавил:

– Ишь ты, как славно: «И душа, и струны...» Хорошо!

Штаб размещался в глинобитном доме. В нем же были комнатухи для офицеров.

– Жить будете вместе с замполитом. Он сейчас в отпуске. Счастливчик, в Союз улетел. На вечернюю поверку можете не приходите. Мы со старшиной проведем.

– Товарищ капитан, разрешите с вами не согласиться, – возразил Ольков. – Будь я доктором – лежать бы вам сейчас в санчасти и носа оттуда не показывать. Советую Вам отлежаться, а мы со старшиной все сделаем, как положено.

– А ты круто берешь, Ольков. Но такие – мне нравятся. Я, пожалуй, последую твоему совету. И правда, нечего тут заразу разносить.

Ночь в горах падает камнем. Двадцать минут назад, когда Ольков со старшиной Гвоздевым проводили в роте поверку, было еще совсем светло.

Теперь же кругом стояла чернильная темень, хоть глаза коли.

В комнату идти не хотелось. Она сразу не приглянулась Юрию Ивановичу. В ней было душно. Сухой воздух, казалось, царапал горло. Комната напоминала склеп. Стены, пол и потолок ее были сбиты из глины. Маленькое горизонтальное оконце, сделанное почти у самого потолка, напоминало амбразуру. Все здесь было чужим и неуютным.

Он почти ощупью нашел скамейку, примеченную еще днем под развесистым тутовником, и присел, устало вытянув ноги. Темень и тишина. Только где-то далеко-далеко горящим пунктиром чертили горизонт светлячки трассеров. Кончался первый день его службы в Панджшере.

ГЛАВА 2

Ведя роту на завтрак, Ольков заметил под мощным ореховым деревом, где уже колдовал над рацией авианаводчик, два ранцевых термоса и вещмешки, загруженные провизией. От них исходил пьянящий запах свежего хлеба. И старшему лейтенанту представилось вдруг, что они с другом Андрейкой бегут наперегонки в железнодорожный магазин, где тетя Варя, как всегда по утрам, продает еще горяченький, лучший в городе хлеб.

К открытию за ним уже выстраивалась очередь. В ней, в основном, толпились пенсионеры и ребяташки. Старшие много раз рассказывали, что когда-то во всем Кургане был такой хлеб: выквашенный вволюшку, а потому высокий, пышный, с поблескивающей, хрустящей корочкой. Хоть хлебозаводов и не было, а пекарни, – говорили они, – а хлебушко был куда с добром. Потом хлебозаводы выстроили, машинную технологию ввели, чтобы труд людям облегчить. Труд, может быть, и облегчили, только и хлеб настоящий кончили. С тех пор выпускают вместо него «кирпичики». Теперь, чтобы хлеба хорошего купить, едут люди со всех концов города в Орсовский магазин.

– Железнодорожники, – судачили бабки – знают, что такое железо, потому на механизацию не обзарились. Спасибо им, кормят людей хлебушком. Только, говорят, в погоне за «новыми высокими рубежами» городские начальники грозятся их хлебное производство закрыть, как устаревшее и нерентабельное.

С теплыми, пахучими буханками довольные ребята мчались в молочный магазин, а оттуда – домой. Садились за стол и уплетали за обе щеки теплый, ароматный хлеб с молоком. И лучшего завтрака для них не было.

Позднее, когда Юра поступил в Суворовское училище, он тяжело переживал разлуку с родными и с этим теплым и запашистым хлебом. Дом и хлеб навсегда остались в его сознании неразделимыми.

Еще раз бросив взгляд на подготовленные термосы и вещмешки, Ольков про себя подумал: «Старается старшина Гвоздев свою расторопность показать. Молодец. А может, всегда такой? Это было бы здорово.»

Когда после завтрака он посмотрел под ореховую крону, то там уже были трое солдат и чалая лошадь. Термосы были навьючены у нее на спине, а сама она ела из солдатской каски перловку.

– А этого Росинанда где откопали? – спросил Ольков своего вчерашнего сопровождающего Мишу Воловика, который в полной боевой уже ожидал дальнейших указаний.

– Боевой троффей, товарищ старший лейтенант. Израненного его нашли за кишлаком. Он подыматься не мог, траву усю вокруг себя с корнями сыв, весь отошав: кости да кожа. Хотели добить, жалко було бачить, яак он мається. Наш санинструктор не дав, взявся лечить, ухажувал, яак за чиловиком. Потом ребята подключились: кто хлиб несе, кто кашу, кто воду. Когда он поднявся на ноги знова, у первый раз после ранению, его яак пьяного качало. Топирь з нами на посты ходыть, водонос.

Конь будто понял, что разговор идет о нем, пристально посмотрел на старшего лейтенанта, подошел и мягкими губами стал шарить в его ладони.

– Сахару просыть, товарищ старший лейтенант. Ужасный сладкоешка. Вот возьмытэ, я специально со столу прихватив. – И Воловик подал командиру несколько комочков рафинада.

– Ну, что, сейчас и тронемся? – спросил он. – Я для Вас, товарищ старший лейтенант, и бронезилет прихватив.

– Через пять минут выходим. – Ольков посмотрел на часы. – Мне надо еще собраться.

Он зашагал к штабу. Вышел оттуда буквально через пару минут. Автомат висел за плечом, фляжка на ремне, вещмешок в руках.

– Хлеб положите сюда, в мой вещмешок, сам понесу. С детства люблю хлебный запах. Волшебная штука – хлеб. Уж много раз замечал, когда проголодаешься очень, не о пельменях, не о пирогах – о хлебе простом и насущном вспоминаешь в первую очередь. – И старший лейтенант с каким-то восхищением смотрел, как Воловик укладывает буханки.

В бронежилетах и касках люди словно раздались в ширину, потяжелели. Шли неторопливо между дувалами друг за другом, шаг в шаг. Вел группу Миша Воловик, замыкал Чалый. И хотя на нем была уздечка, сплетенная из парашютных строп, шел он вольно, никто не тянул его за поводья. В двух местах перешли неглубокий ручей, и тропа, извиваясь, побежала вверх по распадку.

Ольков шел вторым. Ему казалось, что идут они медленно. Ведущий часто останавливался, внимательно осматривал перед собой тропу, потом каким-то мягким, кошачьим шагом, осторожно ступал между камней. Сделав несколько шагов, он снова будто замирал. И все повторялось снова.

Солнце палило вовсю. Пот струйками стекал из-под касок на лоб, солью пощипывал между лопаток.

– Ну, як, товарищ старший лейтенант, не устали? Може, привал зробым? Пост только снизу кажется совсем рядом, а як дойдешь – не один пот прольешь.

– Нет, Михаил, привала делать не будем. Отдых размаривает, но не приближает к цели. После него в ходьбу снова придется втягиваться. Давайте лучше разом высоту возьмем.

– Как прикажите. Нам это не у первый раз.

– И мне не в первый.

– Як не у первый? Вы же ще сюды не ходыли?

– Не ходил. Ну и что? Зато в другие места хаживал. Помню, это было лет десять назад. Я тогда только-только поступил в Ленинградское высшее общевойсковое командное училище. Привезли нас на полигон посмотреть боевую технику. Ходили мы часа три. Все интересно. Хочется до всего дотронуться собственными руками, пощупать, получше рассмотреть. Словом, находились мы досыта, усталость появилась, есть хочется. Вышли с полигона, а машин нет. Ротный отправил их обратно. Построил он нас и объявил, что до училища доберемся марш-броском. Развернул роту, сам впереди, и бегом – марш...

Наверное, все мы тогда проклинали его и мысленно, и пересохшими губами. Бежали десять километров. А ротный остановится, крикнет, чтоб подтянулись, и снова в голову колонны. И бежит так легко. В начале у меня дыхание перехватило, тяжело так стало, хоть ложись и помирай. А потом полегчало. А когда показалось училище, то кое-кто и ротного догонять стал. Зато потом сколько разговоров и радости у всех было. Оказывается, мы не слабаки! Так что давайте без перекуров до места.

Когда до поста осталось метров двести, откуда-то из-за камней с веселым лаем, почти кубарем, скатилась собака. Она юлила у ног, махала хвостом, преданно смотрела в глаза. Солдаты прихватили для нее гостинцы и сейчас наперебой угощали.

– Это вже не трофей. Доброволец. Прибилась, як батальон весной входив в Панджшер после разгрома Ахмад Шаха, – начал рассказ Воловик. – Афганцев не любить. Ни гражданских, ни военных. Чуть их за версту. Як-то раз заезжали мы с ротним у царандоевский батальон, а она з нами погодилась. Ощетинилась уся, словно еж, глаза злые, рычить, готова на любого наброситься. Пришлось мне ее у руках держать, шоб из машины не выскочила. Не дай бог, беды наделает. Никакой дипломатии.

Пост «Горное гнездо», как именовали его в батальоне, обосновался надежно. На горной вершине стояла палатка, старательно обложенная вокруг камнями. Маленький дворик возведен из валунов и камней. Отрыты щели на случай обстрела. Установлен крупнокалиберный пулемет. Отсюда, как на ладони, просматривались расположение батальона, с десяток кишлаков, река, склоны гор и несколько дорог.

– Мы тут, как кость в горле, у душманов засели. Не пройти, не проехать, – говорил старший поста сержант Быстров.

– А почему же тогда батальон часто обстреливают? – спросил Ольков. – Два дня назад, говорят, солдата убили.

– У «духов», видимо, товарищ старший лейтенант, свои тропы есть, которые с наших постов не просматриваются. А еще душманы проходят через керизы. Это промоины такие внутри гор, вроде пещер, которые тянутся на многие километры и по несколько выходов наружу имеют. Где начинается и где кончается кериз – знают только местные жители, да и то не все. Сколько раз, бывало, обложим банду со всех сторон, а она, как сквозь землю исчезает. Уходит по такому подземному ручью.

Вообще, товарищ старший лейтенант, много у них здесь странно-

го, что нам трудно даже понять. К примеру, скажу, несколько раз задерживали мы душманов. Разбираться с ними начнут, а они наиболее из бедняков, рабы почти. Ни своей земли, ни скотины у них нет. Как я понимаю, ради таких людей и революция в Афганистане произошла. А они в банде, против своей Народной власти воюют. Доказывают с пеной у рта, что власть эта неверная, негодная Аллаху. Темень они беспросветная. Аллах для них – это все.

Ольков не спеша осматривал хозяйство поста. Дворик прибран. Постели в палатке аккуратно заправлены. Сделана вешалка для одежды. Натянут шнур для сушки полотенец. Солдатские котелки и кружки уложены в коробки.

– Вы будто к смотру готовились, сержант, – одобрительно сказал Ольков.

– Нет, товарищ старший лейтенант, у нас всегда поддерживается порядок. Поначалу я этому не придавал значения. А потом, смотрю, житейские мелочи стали сказываться на настроении людей, какая-то неудовлетворенность, хандра появились. Поговорил с ребятами откровенно об этом. Договорились: не распускаться. Теперь регулярно зарядку делаем, дежурируем по столу, смену с поста проводим, как по Уставу положено. И это нам по душе.

– Это вы правильно подметили, сержант. Порядок на человека всегда положительно действует. Понимаете, я еще в школе учился, а мама у нас заболела. Мы с братом привыкли, что она всегда в доме прибирала. А тут не может. Она видит, что беспорядок стал в доме, нервничает. Хорошо, что мы с Володей догадались. Стали, как придем из школы, в комнатах прибирать. Полы вымоем, смотрим. а у нее радость в глазах. И ей будто лучше становится. Точно – лучше. Порядок на человека всегда положительно действует.

Спускаться в долину начали после четырех часов, когда жара малость поубавилась. Оказалось, что идти вниз труднее, чем на подъем. Под весом тела ноги сами несли ребят с ускорением. А надо было не спешить, осматриваться внимательно и ступать осторожно. Солдаты помнили, что больше всего подрывов на минах было при спусках с гор, когда притуплялись внимание и бдительность: казалось, ну, что тут смотреть, ведь шли же здесь всего несколько часов назад. И эта недооценка порой стоила жизни.

После вечерней проверки Ольков подошел к Воловику. Тот широко заулыбался.

– Ну, як, не болять ще ноги, товарищ старший лейтенант? Я коды упервый раз у горы сходяв, так чуть не обезножив. Тянеть и тянеть

вот здесь, – он провел по икрам и бедрам, – ноги распрямить не могу, хоть плачь.

– Это, пожалуй, только завтра проявится. А пока ничего. Будет тянуть – на другой пост пойдём... «Клин клином вышибать надо», – говорят в народе. Вот и последуем совету. Мне, Михаил, сейчас очень нужен расторопный и толковый помощник. Вот если бы вы согласились стать при мне таковым.

– Я не против. Буду стараться. Не получится – возьмете другого.

– Ну, вот и хорошо. Так и порешим. С завтрашнего утра приступайте к новым обязанностям, какими они будут, поутру и обговорим.

Ольков пошел к себе в штаб, а Воловик – к беседке под тутовником, где после ужина солдаты, как всегда, курили и рассказывали веселые байки.

ГЛАВА 3

Бронетранспортер вез Григория Петровича в Чарикар, где должна была состояться встреча с секретарями провинциального комитета. Предстояло обсудить вопрос о стабилизации обстановки в долине Панджшер после разгрома там банд Ахмат Шаха Масуда. Проблем накопилось много. Павлову надо было сосредоточиться, продумать все до мелочей в предстоящем разговоре. Но сосредоточиться он не мог. Перед глазами не исчезало лицо раненого афганского летчика, а где-то в мозгу благодарно и беспокойно звучали его слова: «Ташакур, рафик. Ташакур... Ходо хофез».¹

Григорий Петрович вспомнил до мелочей свою первую командировку в Афганистане. Прошло с полмесяца, как он прилетел в Кабул и приступил к обязанностям советника в Центральном Комитете НДПА.

Это назначение было для Павлова неожиданным. Работал он много лет в обкоме партии. Занимался идеологической работой. Дело свое знал и любил. В тот день он выступал перед пропагандистами области, когда инструктор передал ему записку с просьбой срочно позвонить первому секретарю.

1. Спасибо, товарищ. Спасибо... До свидания.

– Передайте через приемную, что я через полчаса закончу выступать и позвоню, – сказал Павлов инструктору. И продолжал беседу. Но ему принесли записку снова: «Первый просит извиниться перед аудиторией и сейчас же, срочно, зайти к нему». Выступление пришлось прервать.

– Вы уж извините, Григорий Петрович, что вам не пришлось закончить лекцию. Но вопрос не терпит отлагательства. – Первый секретарь, как всегда, говорил спокойно. Павлову нравилось, как Филипп Васильевич умеет говорить с людьми. За каждым его словом чувствовалась уверенность, правога и уважение. – Мне позвонили из ЦК. Там есть мнение, чтобы вы, Григорий Петрович, поехали на год-полтора в командировку, советником Центрального Комитета нашей партии в Афганистан. Это мнение просили согласовать с вами. И срочно позвонить о согласии. Сейчас по этому вопросу там готовится документ на секретариат.

– Вы меня ставите в неловкое положение, Филипп Васильевич. Об этом, наверное, следовало бы поговорить на бюро или хотя бы на секретариате. Дело непростое. Справлюсь ли я? Чужая страна. Я не дипломат. Языка не знаю.

– Все правильно вы говорите, Григорий Петрович, но нам дали полчаса на размышления. Двадцать минут прошло, пока я вас разыскивал и вызывал. Так что для обсуждения на бюро не осталось времени. Мы вас, слава Богу, знаем. Уверены, что не подведете. Решайтесь. И сейчас позвоним. Позже это проведем решением бюро, если потребуется.

– Если есть мнение ЦК, Филипп Васильевич, и вы верите мне, что справлюсь, тогда звоните, мое согласие есть.

– Ну вот и правильно. – И первый с облегчением снял трубку телефона ВЧ.

Через десять дней Павлов был уже в Кабуле и приступил к своим новым обязанностям. Как опытный партийный работник, он понимал, что советовать с пользой можно только тогда, когда знаешь досконально суть дела, обстановку, традиции, обычаи, нравы народа и много еще чего. К сожалению, почти всего этого в его “багаже” не было.

А люди с первого дня приходили к нему, спрашивали. Он беседовал с ними подолгу. Выспрашивал обстановку на месте, уточнял, что уже там сделано, какие результаты получены, каким товарищи видят свой следующий шаг. Наводил пришедших на размышления, добиваясь, чтобы они сами приходили к решению, как быть дальше. Он

чувствовал, людям нравится, что с ними советуются, их спрашивают, ждут предложений и даже одобряют действия и поддерживают!

Как-то перед обедом Павлов зашел к руководителю группы советников Ломоносову. Тому как раз звонили, что в провинции Нангархар, в одном из кишлаков, убиты двое наших специалистов.

Григория Петровича осенила идея: съездить на место, разобраться в случившемся, а главное, взглянуть на жизнь в кишлаке. И он высказал свои мысли Ломоносову.

Руководитель группы, взглянув в глаза Павлову, спросил:

– Хочешь, чтобы еще один гроб добавился? – Но, выслушав идею до конца, с доводами согласился. – Правильно говорите, Григорий Петрович, чтобы советовать – надо знать жизнь, знать обстановку. Слетайте в Джалалабад, даю добро. Только попрошу, ведите себя там поосторожнее. И еще советую – перед поездкой зайдите к Саиду Афгани – председателю Совета Улемов¹ Афганистана. Он честный человек. Спросите его, как вам лучше поступить в данной ситуации. Ведь в мусульманском мире человек не родится и не будет погребен без благословения муллы. Духовники до тонкостей знают обычаи народа, очень любят и ценят, когда с ними советуются.

Старец Саид Афгани, весь в белом, седой, как лунь, слушал Павлова внимательно и почтительно. Ему, видимо, очень понравилось, что русский высокий советник, назвав его духовный сан, добавил еще слово муалим² и не наставлял, как следовало бы мушаверу, а сам просил совета и помощи.

– Местные декхане, убить ваших специалистов не могли. Они никогда не нарушат «Пуштунвали»³, – сказал уверенно глава Улемов. – Это сделали чужие, очень плохие люди, ашроры⁴, чтобы навести тень на невинных декхан, поссорить их с шурави. Я могу поклясться на Коране, что это именно так.

Он дал тогда Павлову много хороших советов, как строить взаимоотношения с духовенством и простыми людьми, рассказывал о традициях народа, а в конце беседы предложил взять для сопровождения служащего Совета Улемов – мавлеви⁵ Ахматжана.

– Он вам поможет, как брат, – сказал Саид Афгани. – Ему можно

1. Совет высшего духовенства.

2. Учитель.

3. Кодекс чести афганца.

4. Разбойники.

5. Духовный сан.

верить, как себе. Да поможет вам Аллах в делах ваших.

Прощаясь, почтенный старец поднял руки к своим сединам и, проведя ладонями по лицу и бороде, низко поклонился.

Помощь Ахматджана понадобилась скоро. В аэропорту сказали, что самолетов на Джалалабад не будет: ни советских, ни афганских. Ахматджан пошел к афганским летчикам, объяснил им ситуацию, те согласились лететь и сказали, что возьмут на рейс, если шурави не боится лететь на ящиках со снарядами. Старшим пилотом в самолете АН-26 был тогда Разми, раненый сегодня утром афганский летчик.

Когда Григорий Петрович и Ахматджан под вечер добрались до Нангархарского провинциального комитета партии, там уже шел митинг. Декхане кишлака, где погибли наши техник по ирригации и ветеринарный врач, почти за тридцать километров принесли их на своих руках и сейчас клялись, что смерть достойных людей будет отомщена. Старейшина кишлака говорил, что они знают убийц. Джирга¹ объявила их кровниками, его люди уже пошли по следу душманов, и исполняют святой обычай «бедал хистал».²

Прав оказался старец Саид Афгани. Злодеяние совершили наемники из банды Юсуфа.

Позднее Павлов узнал, что старейшина кишлака слов на ветер не бросил. Местные жители поймали бандитов, привели в кишлак, вздернули на тополе, а потом бросили с горы без погребения.

* * *

В провинциальном комитете партии разговор предстоял нелегкий. Здешний первый секретарь Набарт, когда два месяца назад в ЦК НДПА состоялось совещание по стабилизации обстановки в Панджшере после разгрома банд Ахмад Шаха, многое обещал сделать. Он заверял, что укрепит волю партийцами, направит группу активистов, развернет работу среди беженцев из Панджшера, которые в большинстве своем обосновались в Чарикаре и близлежащих кишлаках, за возвращение их на родину. Слушая его тогда, Григорий Петрович подумал: «А ведь толково мыслит секретарь!»

Два месяца прошло, а дело не сдвинулось. Правда, председателем

1. Совет.

2. Параграф из Кодекса чести афганца. Расплата.

улусвола¹ в Панджшер направили товарища Сахру -- авторитетного партийца. Но помощи ему не оказывают, потому что он халькист², а почти все члены бюро - парчамисты. Сахру часто вызывают в партком, дают разгон за слабую работу, пишут постановления, а в делах не поддерживают. Сам Набарт ни разу в Панджшере не побывал, ссылаясь на сильную занятость, на разные неотложные дела и заботы.

После очередного нагоняя на бюро Сахра прилетел в Кабул, зашел в ЦК к Павлову и рассказал об обстановке, которая не улучшалась. Самый крупный поселок Панджшерской долины – Руха обезлюдел совсем. Из трехтысячного населения при Ахмад Шахе в Рухе осталось менее сотни человек. Остальных Ахмад Шах насильственно или угрозами изгнал из Рухи. Он запугивал людей, говорил, что кармаллисты и русские не пощадят никого: ни стариков, ни женщин, ни детей. Люди, побросав землю и кров, уходили, кто куда мог. Остальных изгнали силой. Из приехавших сюда двух десятков активистов, посланных Комитетом, семью не привез ни один. Плодородная долина на глазах гибнет. Некому убирать хлеб. Виноградники и другие посадки сохнут. Оросительная система требует срочного ремонта и постоянного ухода. Если все останется так, как сейчас, до конца года – уезду будет нанесен непоправимый ущерб.

Григорий Петрович пошел тогда вместе с Сахрой к секретарю ЦК Барьялаю. Собрали группу министров, пригласили ряд почтенных и влиятельных панджшерцев, которые за последнее время переселились в Кабул.

Создали комиссию по работе с беженцами. Договорились с Советом Министров о выделении материальной помощи всем, кто вернется на родину. Специально изыскали для торговли в населенных пунктах долины товары, строительные материалы и удобрения. Теперь Павлов ехал в Чарикар, чтобы помочь организовать всю эту работу.

Он, да и все другие советники, давно убедились, чтобы провести какое-то дело в жизнь, необходимо вопрос не выпускать из собственного зрения, наступать, требовать, организовывать. Иначе ничего не изменится. Опыта у местных работников в таких делах нет. А набираться его многие из них не стремятся.

Многие афганские руководители, умевшие когда-то ярко обличать

1. Административная категория, как наш сельсовет

2. Название группировки в НДПА

прогнанный королевский строй, придя к власти после апрельской революции, не смогли быстро переориентироваться, стать организаторами перестройки жизни на новый лад. Они продолжали выступать с речами, ругали старое, призывали жить по-новому, а как именно – не всегда и не совсем представляли. Многие увлеклись кабинетной работой вместо того, чтобы идти и ехать в кишлаки и вместе с народом создавать новое.

Складывалось впечатление, что таким партийцам и государственным руководящим работникам безразлично, как развиваются в стране события, куда идет революция. Для большей части из них борьба уже завершилась. Они получили солидные посты с окладами и персональными автомашинами, обрели положение в обществе, имеют прислугу и личную охрану. А дела – так пусть они идут, как идут. Поэтому, большинство приехавших из провинций руководителей в первую очередь со всеми своими просьбами и нуждами шли к советникам, чтобы те оказали помощь и содействие в решении вопросов. Советники рекомендовали, куда идти, давали адреса. Помыкавшись по несколько дней и не добившись ничего, люди приходили снова к советникам и просили содействия. Советникам приходилось дело брать в свои руки и доводить до конца.

Двухэтажное здание провинциального партийного комитета, похожее на сельский райком в России, только с плоской крышей, стояло на окраине, у самого въезда в Чарикар. Наверху оборудован наблюдательный пункт, установлен крупнокалиберный пулемет. Двое дежурных из отряда самообороны с любопытством смотрели с крыши на подъезжающий бронетранспортер.

Водитель притормозил у палатки, обложенной со всех сторон снарядами ящиками, заполненными песком. Тут же, в специально отрытом окопе, стояла БМП, уткнувшись носом в стенку. Трое наших солдат несли дежурство. Усатые и загорелые, они мало чем отличались от афганцев. От поста до дверей парткома было метров пятьдесят. Там на корточках в тени сидели четверо мужчин в чалмах и при оружии.

– Душманы пожаловали, товарищ советник. Просят, чтобы их в Союз свозили, – рассказывал сержант, провожая Павлова в партком.
– Патроны мы у них временно изъяли, как у парламентаров.

– Салом алейкум. Хуб асти? Чатур асти?¹ – приложив правую руку к сердцу, приветствовал Григорий Петрович, сидящих, проходя в здание.

1.Здраствуйте. Как ваше здоровье?

Мужчины вскочили, склонили головы в знак приветствия и затараторили:

– Салом алейкум! Хона хайриат аст?¹

В кабинете у Набарта были все секретари комитета и уполномоченный ЦК и Ревсовета по зоне Парван Азиз Нейматтула. На столе стояли чашки с чаем, изюм и орешки.

– Что же это вы адат² нарушаете? Пьете чай, а гости сидят у порога вашего дома, на жаре.

– Чаем мы уже их напоили. Не обсуждать же нам свои дела при гостях, да еще таких, как наши, вот и отпустили погулять, -- заговорил Набарт.

– Они вас ожидают, Григорий Петрович, – уточнил Азиз, здороваясь с Павловым. – В Союз погостить просятся. Да вы садитесь. Пейте чай с дороги, а потом и встречу с ними устроим.

– Почему потом? Приглашайте сейчас. Вместе чай пить будем и вопросы слушать, а может быть, и решать.

Гости вошли в кабинет неробко. Были они средних лет, широкоплечи, с искрой в глазах. Чувствовалось – эти не от сохи. Их пригласили за стол. Налили чаю.

– Ну что, знакомиться будем? – улыбался Григорий Петрович. – Я, Павлов.

Азиз перевел слова Григория Петровича.

– Я – Алмоз. Это мой брат – Сарвар. Халитулла и Азам жители нашего кишлака. Пять лет мы воюем, мушавер! Были в Иране, Ливане, Пакистане. Много земель прошли – счастливой жизни не видели. Теперь снова здесь. Стреляем, прячемся. Устали от войны. Надо домой.

– Правильно говорите! Надо домой. Я тоже хочу домой, – вздохнул Павлов. – Очень хочу. Давайте так и сделаем. Все пойдем домой, на свою землю, к своим семьям. Народное правительство Закон об амнистии приняло для тех, кто оружие сложит и вернется домой.

– Знаем, мушавер. Но прежде, чем мы вернемся в кишлак, покажите нам, как живут шурави. Приходил к нам в отряд ваш человек. Один приходил. Без оружия. Одет, как мусульманин. В чалме, афганской рубаше и патлунах³. Отважный человек Кенешка. Он рассказывал, как шурави живут. И будто наше правительство будет строить

1. Здравствуйте. Как ваше благополучие?

2. Традиции.

3. Национальные шаровары

такую же жизнь. А мы не верим.

– Почему не верите? – спросил Григорий Петрович.

– Это большой разговор. Мы в Саурскую¹ революцию поверили. Потом приехали к нам в кишлак люди из Кабула. Активисты новой власти. Приняли их, как подобает гостей встречать. Накрыли в михмане достойный дастархан². Угощали от всей души. Пригласили в мечеть поклониться Аллаху. Гости не пошли. Сказали, что Аллаха нет, что религия – опиум народа и от нее весь вред.

Утром начали заходить в дома, переписывать всех домочадцев. Студент-мальчишка спрашивает: сколько у меня жен, как их зовут, сколько им лет?! Умеют ли они читать? Какое ему дело до моей семьи? Да мой брат увидел лицо моей жены только через семь лет, как положено по Шариату. А он чужой человек. Мыслимо ли это?!

– Сынок, разве ты не мусульманин, что задаешь такие вопросы? Или от науки ты совсем Шариат позабыл? – сказал я и не стал отвечать на вопросы. Подобный разговор был и в других домах. В мечети мы пожаловались мулле о таком неуважении гостей к традициям народа.

Он взял уважаемых старцев и пошел поговорить с активистами новой власти. А они усадили этого почитаемого нами человека на осла лицом к хвосту, повесили на шею картону с надписью «обманщик народа» и повезли по кишлаку. У старца из глаз слезы, у нас в груди – огонь. Такого позора мы не видели отродясь. Люди не вынесли оскорбления и отомстили за богохульство. А утром мы всем кишлаком ушли в горы, потом в Пакистан. Мы такой новой жизни не хотим. Покажите, как шурави живут. Понравится, вернемся домой, будем жить мирно и делать, как вы. Нам надо все увидеть самим. Словам мы не верим. Если и у вас так же, уйдем в горы и, будем жить, как жили предки. Оружия не бросим. Не пустим к себе никого: ни душманов, ни народную власть, ни вас. Умрем, но не пустим.

Алмоз закончил говорить. Все в кабинете молчали. Павлов вспомнил рассказ Саида Афгани о бесчинствах, совершенных над духовенством в период правления Амина. Мулл тогда нередко таскали за бороды, позорили перед народом, сажали в тюрьмы, а то и вовсе убивали. Людей сгоняли под дулами автоматов на занятия по ликвидации неграмотности. Амин сказал: «Что русские создавали полвека, мы сделаем - за пять лет». Начался массовый уход населения за

1. Апрельская.

2. Стол в гостинице.

рубежи родной земли. Разведки разных стран наперебой помогали афганским лидерам-фундаменталистам, бывшим к тому времени уже в эмиграции, формировать и вооружать повстанческие отряды и направлять их на борьбу против нового народного правительства в Афганистане.

– Ну что, товарищ Набарт, пошлешь их с группой активистов провинции для изучения опыта строительства новой жизни в СССР? – Спросил Григорий Петрович секретаря. – Недельки на две. О возможности такой поездки я договорюсь. Если не возражаешь, скажи им, что просьбу в ближайшее время удовлетворим. Спроси, где их разыскать.

Довольный Алмоз увел своих земляков. Но все в кабинете еще долго смотрели на закрывшуюся за ними дверь.

– Амин хотел скакнуть в новый мир одним махом, забыв народную мудрость: «Караван верблюдов хоть и движется медленно, но придет к цели», – сказал Азиз. – Мы сейчас тысячи раз убедились, что перестройка жизни – это как ходьба по горным тропам. Чем больше осмотрительности – тем уверенней шаг. Давайте и операцию по возвращению народа в Панджшер готовить без спешки и осмотрительно.

С этим согласились все. Надо было продумать все до мелочей, с запасными вариантами. Предстояло в короткий срок закупить продовольствие и одежду для тех, кто вернется домой в Панджшер. Найти транспорт для перевозки людей и грузов, договориться о цене. Ведь ехать туда, где стреляют, желающих немного. Обеспечить безопасное продвижение колонны. Организовать торжественные проводы здесь, в Чарикаре, и хорошую встречу на месте.

Все намеченные мероприятия ложились на бумагу с фамилиями, датами и цифрами расходов средств. Решили больших совещаний не собирать, а приглашать людей в партком, ставить перед ними задачи, советоваться, как лучше организовать дело. Многогранная и кропотливая работа началась.

ГЛАВА 4

Опасения Кострова были не напрасными. Болезнь не проходила. Целыми днями его то колотил озноб, то вдруг начинало палить ог-

нем. В таком состоянии его и отправили в кабульский госпиталь. Олькову, еще не осмотревшемуся и на взводе, пришлось принимать под командование роту.

– Не боги горшки обжигают, – сказал при беседе комбат. – Хотя время сейчас наступает особенно беспокойное. Началась завозка продовольствия и других грузов в отдаленные точки, куда зимой не проскочить. Вам придется частенько обеспечивать боевое сопровождение колонн. Хлопотная и беспокойная работа. Через два дня идут машины на Базарак. Подумайте, если желание есть, сходите, посмотрите, что к чему. С группой обеспечения движения пойдет прапорщик Кустов. Поговорите с ним. Он не новичок в этих делах.

Ольков еще в день приезда приметил солдат в сетчатых маскировочных комбинезонах. Держались они франтовато и особняком. Перед вечером одни пошли к дороге и зарыли там какие-то болванки. Другие, с собаками, разыскивали спрятанные предметы. Находили их, восторженно кричали. «Забавляются, как дети», – подумал Ольков, хотя понял, что это саперы и служба у них здесь самая тяжелая. Идет напряженная, небывалая по масштабам и хитрости минная война.

Группа обеспечения уходила первой. Дорога от городка бежала вдоль берега реки и исчезала в горах. По ее обочинам шли двое саперов со шупами. У одного из них на длинном поводке к ремню была привязана собака Ванда. Она шустро обнюхивала дорожную пыль, будто отыскивая пищу, рыскала зигзагами и быстро уходила вперед.

За саперами, чуть приотстав, как неуклюжая каракатица, прощупывала дорогу боевая машина разминирования. Солдаты в шутку называли «Т-55», с навешанным спереди него тралом, «Крокодилом Геной». За ним следовали БРДМ, десятка полтора груженых КамАЗов. Замыкали колонну два бронетранспортера с подразделением охраны и машина техпомощи. Ольков сидел наверху первого бронетранспортера, пристроившись на ящике с патронами. Отсюда был хороший обзор колонны и всей округи. Каждый из солдат вел свой сектор наблюдения. Машины медленно втягивались в ущелье.

В начале похода в колонне всегда царит повышенная настороженность. Люди молчаливы, внимание, нервы напряжены. Но остаются позади километры, и постепенно оцепенение проходит. Появляются первые разговоры, а потом уж и шутки и смех. Невозможно, видимо, человеку постоянно держать себя в кулаке.

Ольков слышит, как кто-то из солдат начал рассказ:

– Весной, когда мы только входили в Панджшер, где-то здесь же,

на дороге, снайпер-душман застрелил водителя бронетранспортера через смотровое оконце.

Чувствуем машину, вдруг, повело в сторону, – говорил рассказчик. – Сержант кричит: «Ты что там уснул, салага, дорогу не видишь?» А машину ведет к обрыву. Сержант в люк... А водитель убит. Пуля ударила прямо в глаз. Вот ведь как стреляют. Сколько нас было на броне тогда, а он выбрал того, что в бронетранспортере. Смотрите, мол, какой я стрелок.

– Из «Бура», наверное, стрелял. Точность боя у них исключительная и сила – за километр стенку бронетранспортера прошивает.

– Уж очень медленно ползем, – сетовал второй солдат. – Так засветло до места не добратся.

– Не разбежишься, если дорогу щупают саперы. Хотя, если «итальянок» понатыкали – черта с два их найдешь. У этой паскуды металл-то – только игла, что в капсулю бьет, все остальное – взрывчатка и пластик. А мы их обычным миноискателем шарим. Бестолковое дело.

– И у «крокодила» эффективность крохотная, да если мины еще в накачивющемся варианте поставлены. Вся надежда на Ванду, может, она унюхает.

Рвануло в середине колонны. Ольков сразу и не понял: то ли его сбросило ударной волной, или сам спрыгнул с бронетранспортера. Колонна остановилась. Из распадка, где близ ручья громоздились огромные камни, вдруг ударил пулемет.

Ольков бросился к борту боевой машины, где за колесом уже укрывался Михаил Воловик.

– Вас не зацепило, товарищ старший лейтенант? – прокричал он.

Пули зло клевали броню и со свистом рикошетили в стороны.

Вдруг, над самым ухом гулко ударил очередью КПВТ. Огненные трассы понеслись к ручью, хлестнули по камням, высекая искры.

«Молодец, Котлубей! Не растерялся.», мысленно хвалил Ольков командира бронетранспортера.

– Миша! Мигом лети на вторую машину, – крикнул он Воловику – Дай команду водителю, пусть сдаст немного назад свой «броник», и заходите за валуны справа. Ударите по ним с фланга. Мы вас прикроем.

– Есть зайти с фланга, товарищ старший лейтенант.

Ольков осмотрелся. Солдаты тоже пришли в себя, подтянулись к бронетранспортеру и вели огонь по камням.

Второй бронетранспортер вышел во фланг и открыл огонь. Ольков

дал команду Котлубею вести машину вперед и под ее прикрытием повел бойцов на душманскую засаду. Пулемет оттуда уже не стрелял. Стучали только автоматные очереди. Но вскоре и они прекратились.

Когда подошли к камням, там уже никого не было. Валялись пулеметные и автоматные гильзы. Солдаты начали осматривать место засады и увидели там мальчонку лет десяти-двенадцати. Прижавшись спиной к камням, он держал в руках автомат, но не стрелял: патроны, видимо, кончились. Глаза его горели ненавистью.

– Бача, сэпахра таслим кон! – сказал ему Воловик. – Бирун. Бирун. Натарслед. Инджа биа.¹

Парнишка не двигался. Когда к нему подошли и хотели поднять, начал бить ногами, кусал солдатам руки.

– Духи ускользнули, а мальчонку оставили прикрывать отход, – сказал Кустов Олькову, закуривая сигарету. – Не первый раз такое вижу. Знают, пацана мы не тронем.

К колонне Ольков и Кустов возвращались вместе.

– Опять не обошлось без потерь, – сетовал прапорщик. – Ванда не учуяла мину, а ведь она лучшая у нас собака. Видимо, в «костюм» злодейку одели. Духи против собак новинку придумали. Укладывают мину в целлофановый пакет и кругом горячим утюгом проваривают. И собака не может учуять.

Мина, видимо, сработала под задними колесами «КамАЗа». Взрывом раскидало ящики с тушонкой и рыбными консервами, мешки с сахаром. Кабину с водителем отбросило метров за тридцать. Шофера сильно контузило. Из ушей и носа шла кровь. Солдаты подняли водителя в бронетранспортер, уложили на свои бушлаты. «В рубашке родился», – подумал Ольков, глядя на него. Здесь же, в бронетранспортере, был и афганский мальчишка. Сидел он, сжавшись в комок, как затравленная собаками кошка.

Солдаты подбирали раскиданное взрывом имущество, укладывали на машины. Этим руководили капитан интенданской службы и прапорщик Кустов.

Вскоре колонна снова поползла в горы. Впереди шли минеры со шупами, и зигзагами петляла Ванда.

Небольшую остановку решили сделать в кишлаке Марагиз. Машины еще не остановились, стали лишь замедлять ход, как к колонне бросилась вездесущая ребятня. Мальчишки бежали споро. Глаза их сияли радостью.

1. Паренек, брось оружие! Не бойся. Иди ко мне.

– Салом-алейкум, рафик командир! Давай бакшиш! Пайса давай! Спички давай! Сгущенку давай! Мыло давай! – Кричали они наперебой и тут же предлагали: – Покупай виноград! Покупай норинч! Покупай томат! Покупай арбуз!

В руках многих торговцев были древние весы с тарелками на длинных цепях. Вместо гирь, камни разной величины. Торговый ряд был прямо вдоль улицы, на земле.

Ольков отдал команду солдатам цепью встать вдоль дороги, чтобы никто из чужих не смог приблизиться к колонне ближе, чем на два метра: магнитную мину подложат -- мигнуть не успеешь. Сам пошел в голову колонны.

Прапорщик Кустов уже шел от дукана и нес ящик фанты.

– Смочите горло, товарищ старший лейтенант. Хороший напиток, освежающий.

– Спасибо. Но я не пью без особой на то нужды. В училище у нас был преподаватель по топографии. Он всю блокаду оставался в Ленинграде. И выжил. Спасло, говорил то, что ограничивал себя в воде. И нас наставлял – старайтесь не пить в походах, особенно при жаре. Раз попьешь, трудно будет воздерживаться дальше. А с водой уходят из человека и силы. Надо перетерпеть. Потом будет легче. Я пользуюсь его наукой. Помогает. Так что спасибо.

Возвращался Ольков к бронетранспортерам противоположной стороны. И здесь тоже мальчишки буквально наседали на солдат, просили дать им подарок или что-либо купить. Он заметил, как Воловик спрыгнул с бронетранспортера с буханкой хлеба в руках и пошел через толпу к девочке с ребенком на руках. Она стояла поодаль ото всех и смотрела на происходящее печальными глазами. Воловик подал ей хлеб, вынул из кармана банку сгущенки и тоже подал.

Девочка закивала головой, быстро повернулась и побежала к дувалу, прижимая к груди хлеб и ребенка. Оттуда, из щели ворот, блеснули и исчезли женские глаза.

Воловик понял, что командир все видел. И, будто оправдываясь, сказал:

– Не могу бачить голодных глаз, товарищ старший лейтенант. – И, чтобы избежать вопросов, спросил сам:

– Будемо трогаться, товарищ старший лейтенант? А то усе, что от взорватой машины осталось, разнесуть.

– Кто разнесет?

– Да кто его знае. Половину вжэ в дуканы снесли.

1. Давай подарок! Деньги давай!

– Как снесли?

– На плечах. Да вы у прапора спросите. Кто его задание выполнял, он всех хфантой угостит. А себе магнитофон принес, Высоцкого теперь будем слушать. Деловой мужик.

Ольков вспомнил, с какой внимательностью следил Кустов за сбором раскиданного взрывом имущества, как тщательно проверял его раскладку на другие машины. Юрий Иванович восхищался его расторопностью и хозяйской хваткой. А он...

Ольков спрыгнул с бронетранспортера и быстро пошел в голову колонны, разыскивая глазами прапорщика Кустова. Навстречу шел интендант.

– Будем трогаться, Юрий Иванович?

– А может, сначала соберем то, что по дуканам растащили? Ведь вас под трибунал за недостачу потянут.

– Вы про что? За какую недостачу? Машина взорвалась. Товары погибли. Кое-что осталось, так вон оно на машинах. Придем на место, составим акт. А как же. Все сделаем по форме. Так что не беспокойтесь, Юрий Иванович.

Ольков опешил. И не нашелся сразу, что ответить капитану.

Головные машины уже тронулись. Капитан прыгнул на подножку «КамАЗа» и исчез в кабине. А с бронетранспортера кричал и тянул Олькову руку Воловик.

Ольков с разбегу запрыгнул на броню и, стиснув зубы, ударил кулаком по ящику с патронами, чтобы успокоить нервы.

Когда вернулись в часть, Юрий Иванович рассказал комбату о случившемся. Тот долго молча смотрел Олькову в глаза, потом сказал:

– Не ввязывайся ты в это дело, Ольков, Заваришь кашу – не расхлебать. Всех затаскают. И тебя, и меня, и солдат. Кого в свидетели, кого в ответчики. Тем более, ты сам их за руку не схватил. Интендант, что вез груз – не наш. И не нам с тобой за его барахло отвечать. Он сопровождал груз – ему и отчитываться. А они это умеют. Я как-то приехал на армейские склады, обмундирование надо было попутно привезти, а там интенданты паникуют. Солдаты на полотнище крупно написали: «Все, что производит великий советский народ, – принадлежит прапорщику!» Прибили полотнище под самой крышей и лестницы спрятали. А тут проверка из штаба армии вот-вот должна подъехать. И смех, и грех, и голимая правда. – Он стукнул кулаком о стол. – Давай, я приглашу сюда сейчас Кустова, и ты ему при мне все в глаза выложи. Если еще подобное, мерзавец, повторит – пусть на себя пеняет.

На том и порешили.

ГЛАВА 5

Григорий Петрович с двумя работниками ЦК НДПА и Сахрой летели вертолетами в Панджшер. Здесь предстояло все заблаговременно подготовить к возвращению жителей. Большую неприятность могли причинить мины. Летом, когда Павлов прилетал сюда впервые, на минах, установленных душманами на хлебных полях, подорвались двое студентов, приехавших из Кабула в составе отряда защитников революции! Тогда пришлось все работы приостановить.

Теперь надо было безотлагательно очистить поселок от мин. Подготовить к работе школу и медицинский пункт. Учительница и доктор получили уже назначение в Кабуле и должны были приехать в Руху вместе со специальным отрядом-караваном из Чирикара.

Член военного совета сообщил в полк о прилете Павлова, и его здесь уже ждали. Афганцам, летевшим с Павловым, предстояло ночевать в батальоне царандоя,¹ который располагался в километре от нашей части. Григорий Петрович каждый раз, когда вылетал в командировку с местными товарищами, чувствовал себя очень неловко. Во-первых, при оружии их не брали на борт, а без оружия ни летать, ни ездить в Афганистане не положено, да и не всякий рискнет, когда экстремальная обстановка ждет на каждом шагу. Во-вторых, по прилету на место их не пропускали на территорию наших частей, даже если они и были работниками ЦК НДПА.

Поэтому Павлов перед вылетом брал у афганцев оружие, клал его в свой саквояж, который обычно ставил к легчикам в кабину. Афганцы знали порядок и выполняли его без слов. Правда, что у них было в те минуты на уме и на сердце, Григорий Петрович мог только предполагать.

В частях он много раз брался убеждать начальство, что если мы не пропускаем к себе афганцев, даже работников ЦК, то о каком же интернационализме идет речь?

– Это уж ваш вопрос, как тутошный «интернационализм» объяснять, – отшучивались офицеры. – Не получается, в Москву звоните, пусть растолкуют. Поймите и нас. Вы уедете, а нам и дальше здесь службу нести. Смотришь, а через пару дней «духи» по части долбать начнут, да с такой точностью, что будто бы карту с расположения сняли. Вот и судите тут сами, что важнее; об интернационализме заботиться или как лучше личный состав сберечь.

1. Полиция.

С Ольковым Павлов встретился в столовой, за ужином. Юрий Иванович от удивления широко открыл глаза, и не скрывал радости.

– А вы какими ветрами здесь, Григорий Петрович?

– В Афганистане один ветер – «Афганец». Его волей и прилетел. Как служится, Юрий Иванович?

– Как вы предсказали. Скучать не приходится. Приходите ко мне ночевать, там все без утайки и выложу. Сегодня из отпуска замполит вернулся, отличный парень. Мы с ним из одной области. О доме расскажет, какие у нас новости. Вроде бы и скучать некогда, а минута выберется свободная -- слетал бы на крыльях к маме. Посмотрел, как там дома живут.

– Так уж и к маме? Жениться разве не успели?

– Я какой-то в любви не везучий. Жениться - не вопрос. Надо встретить такую, чтобы не только жить - дышать без нее не мог. А иначе зачем. – Он как-то посерьезнел, притих, вода пальцем по столу. – Приходите на ночлег, Григорий Петрович. Будем очень рады. Если позволите, я потом к комбату за вами зайду. Договорились?

– Спасибо, Юрий Иванович. Я с удовольствием ночую у вас. Правда, мне еще надо в штаб, договориться с командованием о помощи афганским товарищам.

Из столовой они вышли на воздух. На скамейке под тутовником курили солдаты. Солнце уже село на горную вершину и готово было покатиться вниз. Вдруг послышался нарастающий вой... Ольков с силой толкнул Павлова назад, в двери столовой, и всем телом прижал к стене. И тут раздался взрыв, потом второй, третий. Запахло пылью и гарью. Они ждали взрывов еще. Но было тихо.

Выскочили наружу. У скамейки лежал солдат. Над ним склонились только что курившие здесь ребята.

– Валера! Валера! Что с тобой? – тормошили они товарища.

Павлов увидел, что на груди лежащего быстро расплывались багровые пятна. Ольков уже стоял на коленях, щупал у солдата пульс, прикладывался ухом к груди. Потом крикнул солдатам, чтоб бежали за носилками в санчасть и несли туда раненого.

– Видите, Григорий Петрович, как у нас случается. Ни за понюх табаку пострадал парень. На прошлой неделе вот также внезапно начался обстрел. Я бросился под ствол вон того ореха. Мины рвутся... Смогрю, а солдат из туалета выскочил и, как ошалелый, бежит

мимо. Я его за рукав – и на землю. Что ты, говорю, носишься. Отси-
дился бы там, пока стрельба. А он мне: «Скажите тоже. А вдруг мина
в сартир ударит и наповал срежет, а я без штанов. Что родным потом
напишут? Погиб при исполнении долга? Нет уж. Если умереть, так
на миру, как солдату положено.»

Бойцы прибежали с носилками и санинструктором. Понесли ране-
ного.

– Чаще всего такие налеты перед закатом солнца. Знают, в горы
ночью не сунешься с поисками. И бьют из таких мест, что наши на-
блюдательные посты их точно засечь не могут. За ночь уходят. Вот
так и воюем.

* * *

Ольков зашел за Павловым после вечерней поверки. И они пошли.

– Опять у нас сегодня ЧП, – сетовал Юрий Иванович. – Одного
тяжело ранило при вас. Кровь уже в который раз переливают. Тяже-
лый случай. А сейчас на поверке взводный заметил, что у бойца гла-
за какие-то ненормальные и на ногах еле стоит. Думал, желтуху солд-
ат подхватил. Проверили – анаши накурился. Стали докапываться,
где ее взял. Населения здесь почти нет, общения с посторонними ни-
какого. Оказывается, на разминирование поселка наши бойцы ходи-
ли вместе с афганскими солдатами. Они его и угостили. Хорошо, что
не во время поиска мин, а то всякое могло случиться.

Когда вошли в комнату, замполит уже хлопотал у стола. Он даже
внешне чем-то был похож на Олькова. Доброга и сердечность свети-
лась в его глазах.

– Валерий Иванович, – представился он, молодежавато стукнув каб-
луками при этом, и заулыбался. – Готовлю скромный ужин в честь
возвращения из отпуска в родную часть.

На солдатском алюминиевом подносе дымной горкой высились ви-
ноградные грозди. Рядом с ними алели ломти арбуза. На тарелке ле-
жали соленые грузди – диковина для этих мест. И розоватое, с жи-
цей, тонко порезанное свиное сало.

У Григория Петровича засосало под ложечкой. Он с детства любил
сало с жицей. В Афганистане им можно было разговеться лишь
вот в такие дни, когда кто-то возвращался из дома. Павлов удивлялся
и много раз с возмущением говорил в посольском торге, что неужели

так трудно привезти из Союза свиного сала, от которого там полки ломятся, и обыкновенной селедки. Селедку, правда, один раз привезли и дали по три рыбки на брата к Новому году, а сала так и не было. Хлеб, сгущенка и тушонка – основное довольствие советника.

Бутылка коньяку появилась на столе в последний момент. Заполит налил понемногу в стаканы и как-то замылся.

– Говорите тост, Валерий Иванович, а мы с Григорием Петровичем послушаем, как подкован ротный воспитатель масс, – пошутил Ольков.

– Я предлагаю за тех, кто остался там, за горами, кто живет в постоянной тревоге за нас, кто надеется и ждет. Пусть наша служба не принесет им горя.

Коньяк обжог горло. Григорий Петрович любил пить его из маленькой рюмочки, предварительно согрев в своих ладонях. Тогда коньяк просыпался, пах солнцем и садом, не просто пьянил – принес наслаждение.

– Так как там дома у нас, Валерий Иванович? Расскажи. Григорию Петровичу тоже интересно, он ведь уралец.

– Дома хорошо. Дома нас ждут, – и замолчал в задумчивости. – Но мне не забыть мамыны глаза, они всегда светились от счастья и радости, когда я, бывало, приезжал домой. Теперь в них появилось что-то еще. Я понял – тревога. Она заслоняет все. Радуетса мама, а все-таки тревожится больше. Меня попросили выступить в военкомате перед призывниками. Вышел после беседы, а у ворот толпа матерей. Смотрят на меня с испугом и укором, словно я собрался их детей забрать с собой. Спрашивают с тревогой: «Вы что, за ними приехали?» Нет, говорю, я с лекцией выступал. «Ну, слава богу, – облегченно вздохнули, – а мы уже думали...»

И их можно понять. По своей маме знаю. Она не отговаривала, когда я поступал в военное училище. Представляла, что я буду военным, значит Родину охранять. А случись война, так она для всех война, как всегда раньше бывало. А ребятам-то только действительную отслужить. И такая напасть. Вдруг в цынке домой привезут! Это теперь не редкость. Сегодня вон Рыжикова ранило. Хорошо, если выживет? А если нет? Раньше хоть писали в похоронке: «Погиб, защищая Родину». А сейчас: «Погиб при выполнении интернационального долга». Кому и за что он должен? И похороны полулегальные, без лишних разговоров и огласки. Сам политработник, а не пойму – за чем таиться? – Валерий умолк, глядя в стол.

– Хорошо бы видеть этот интернационализм на деле, – говорил

уже Ольков. – Какой же может быть пролетарский интернационализм здесь, когда на весь Афганистан насчитывается около восьми-десяти тысяч рабочих? А если точнее, ремесленников, как нам недавно лектор рассказывал. В Панджшере интернационализм пока ведется так. Рядом с нами афганский батальон стоит. По ним почти «духи» не стреляют, по нам – каждый день бьют. Своих, видимо, побратски жалеют. Революция афганская, а защищать ее нам приходится. А Ленин, если мне память не изменяет, говорил, что революция тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться.

– Насчет умения защищать революцию, вы, Юрий Иванович, правы. На чужих штыках, какие бы они надежные ни были, долго не продержишься. А насчет интернационализма, то Ленин представлял его несколько шире. Он говорил, выступая в декабре 1920 года перед собранием актива Московской организации РКПб так: «Мы, действительно, выступаем теперь не только как представители пролетариев всех стран, но и как представители угнетенных народов». Именно на этой основе мы в свое время оказали помощь монгольскому народу. Но то было и время другое и иные обстоятельства. С афганским вопросом оказалось куда больше проблем, чем, видимо, их представлялось тем, кто принимал решение об оказании республике всесторонней помощи, особенно военной. Мне думается, эти мужи не знали достаточно глубоко, сложившуюся здесь ситуацию. Многого не доучили, особенно фанатический исламизм. Но может быть, на сегодня мы закончим дискутировать? Завтра я встречаюсь с офицерами части, там и поговорим, А то вон гитара на стене скучает. Юрий Иванович, сыграйте что-нибудь для души.

Ольков от неожиданного предложения смутился.

– Я ведь для настроения иногда играю. Знаете, бывает такое, сердце затоскует или радость какая. Кажется прожил еще совсем мало, а без родных – уже так много. Я ведь с Суворовского службу начал, потом в Ленинграде высшее общевоинское командное дважды Краснознаменное училище имени Кирова закончил, на Дальнем Востоке послужил, теперь совсем далеко от родных.

Он взял гитару, провел по струнам, сделал перебор и запел:

*Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами - города,
Взлетные огни аэродромов.
Здесь у нас высокие хребты,*

*Здесь у нас тревожные закаты.
Здесь на неизведанном пути
Мины поджидают и засады...
Надежда – мой компас земной.
Удача – награда за смелость...*

Он пел, чуть склонив голову на плечо. Густые темные волосы свисли на лоб, над верхней губой, как раз по центру, темнела родинка. «Совсем мальчишка - и командир! – подумал Павлов. – Скромничал, а поет почти профессионально». Его мягкий приятный тенор точно ложился на зовущие звуки струн. Когда смолкли последние аккорды, Григорий Петрович похвалил:

– А говорили – не профессионал. Чувствуется по всему: музыке вы учились?

– Мальчишкой музыкальную школу окончил. А гитару в училище полюбил.

– Ждут солдаты, когда командир роты в руки гитару возьмет, – сказал замполит. – Сыграйте, Юрий Иванович, нашу Панджшерскую.

– Не успели приехать, а уже знаете, что солдаты ждут.

– На то я и замполит... Мне по службе положено настроение бойцов знать днем и ночью, и когда даже в части меня нет.

Снова зазвенели струны. Они будоражили чувства, и Ольков запел:

*Бой кипел на берегах Панджшера.
Ночь металась в зареве огня.
Рать душманов нас не ододела,
Мы ж, братва, покрепче, чем броня.
Вспомним, ребята, мы Афганистан,
Банды Ахмат Шаха и зверей-душман,
Как возле керизов шел кровавый бой
Там, где уцелели чудом мы с тобой.
На костре седом трещали ветки,
В котелках дымился крепкий чай
Мы с тобой вернулись из разведки
В тыл ходили ночью, к басмачам.
Вспомним, ребята, мы Афганистан,
Банды Ахмат Шаха и зверей-душман,
Как под Базараком разгорелся бой,
Как в Руху с победой мы пришли домой.*

– Вроде бы и песня не блеск, а солдаты любят. Наверное потому,

как в ней частица жизни каждого из нас, – сказал замполит. – Поют ее здесь, слышал в Кабуле, в Кундузе. Слова чуть меняются, в зависимости от обстановки, а суть одна. Жестокая служба в Афганистане. И хорошо, что солдаты стихи слагают и песни поют. Значит, все это останется в памяти, в жизни.

Ольков, вдруг как-то встрепенулся. Поднял гитару и протянул ее Павлову.

– Григорий Петрович, может быть, вы нам что-нибудь сыграете?

– У меня так не получится, ребята. Годы не те, и чувства состарились. – Но гитару взял, положил на колени, прошелся пальцами по струнам и запел на цыганский манер:

*Мне без глаз твоих,
Как в ночи, темно,
А без уст твоих –
Не пьянит вино.
Мне бы с губ твоих
Нежность пить и пить,
И всю жизнь тебя
Лишь одну любить.*

– Вот, видите, тоска одна, зеленая. Тоска по семье, по дому...

– Я бы этого не сказал, Григорий Петрович, – заметил Ольков. – В романсе не столько тоски, сколько искренности чувств. У меня тоже так бывает: кажется, всего себя бы любимому человеку отдал, если бы встретил.

– Ну, ребята, спать пора. Завтра у вас служба, у меня напряженный день.

– У нас здесь служба не кончается. Даже во сне, – вздохнул замполит. – Но спать действительно пора.

* * *

Павлов лежал на спине, заложив под голову руки. Сон не приходил. Разные мысли будоражили сознание. Не спал и Ольков. Перед тем, как ложиться, он отодвинул с окна маскировочную штору. Мертво-белая луна висела над горами.

– Я только здесь по-настоящему понял, какое это счастье – жить! Просто жить, Григорий Петрович. К сожалению, радоваться жизни мы не научены. Вроде бы все у нас есть, а еще чего-то хочется. Все

какие-то планы, прожекты, нерешенные задачи, куда-то спешим, кого-то догоняем и догнать не можем. Нервогребка. А тут, посмотришь, мусульманин сидит на корточках у мазара, лепешку съел, чай выпил, глаза закрыл от удовольствия, кайфует. Все на нем и все в нем. Может целый день просидеть. И никаких проблем, – рассказывал Ольков. – В то же время я многое здесь не могу понять. Ни какой логике не поддается. В бандах почти поголовно беднота. Выходит, народная власть воюет со своим народом.

– Это не так, Юрий Иванович. Если точнее, то большая часть народа воюет против своего правительства. А правительству приходится защищаться.

– Или вот еще вопрос. Недавно в кишлаке душманы чинили расправу. Мы поспешили, чтобы схватить бандитов. Но их кто-то укрывал. Целый день проискали и вернулись ни с чем. И подобных вопросов масса.

– Вы правы, Юрий Иванович. Афганистан для нашего понимания его проблем – крепкий орешек. Разом и не раскусишь. Здесь еще живы все экономические уклады, которые пережило человечество. Есть еще в горных районах места, где люди не вышли из полупервобытной формации, где сохранились родо-племенные отношения. Тридцать процентов населения страны живут племенами, не признают государственности. Для них свой вождь – бог, царь и воинский начальник. Традиции и обычаи племени – высший закон.

Вот вы говорите, вам не указали, где укрылись душманы? Хотя, наверняка, кто-то знал где, они прячутся. На востоке традиция -- лишнего не говорить и не видеть. А может быть, в данном случае, сработал неписанный кодекс чести и достоинства афганцев «пущтунвали». В соответствии с ним, человек, жизни и чести которого угрожает опасность, может обратиться за защитой к любому афганцу, и ему не в праве отказать. Не выполнивший этого закона – предается позору. Обычай предписывает любой ценой защитить каждого, кто нашел приют или убежище под твоей крышей. К сожалению, этим добрым законом часто пользуются разного рода проходимцы, а то и преступники, чтобы избежать возмездия.

Министр по делам народностей и племен Афганистана Сулейман Лаек, знакомя меня с обычаями и традициями народа, рассказал несколько интересных легенд о соблюдении этого обычая. Если есть желание их послушать, я расскажу.

– Да что вы, Григорий Петрович, я готов слушать хоть до рассвета.

– Тогда вот первая из них:

«Банда грабителей однажды напала на кишлак, – рассказывал мне Лаек. – Все взрослые люди стали защищать свой дом и свою честь. Только одна старушка не могла сражаться. Она вышла из своего дома, смотрела на схватку и видела, как в бою пали два ее сына. Но и бандиты были разгромлены. Двое из них, оставшиеся в живых, бросились бежать. Их по пятам преследовали местные жители, а несколько человек отрезали путь к отступлению. Тогда бандиты, подбежав к старой женщине, пали перед ней на колени и попросили убежища. Она показала им рукой на дверь своего дома. Бандиты мгновенно за ней скрылись. Когда подошли к дому преследователи, старуха, стоя на пороге, преградила им путь. Один из жителей в гневе оказал: «Мать, разве ты не знаешь, что они убили твоих сыновей? Отдай их нам». «Может быть, все так, как ты говоришь, – сказала женщина. – Но они вошли в мой дом по обычаю «нынавати»¹. Закон достоинства и чести афганца – гордость всех нас – живых и наших предков. Я не позволю его нарушить, пока жива. Если вы намерены не считаться с «пуштунвали», то сначала убейте меня».

Согласно другой легенде, Султан Махмуд Газневид на охоте выследил красавицу-лань и погнался за ней. Стрела монарха настигла беглянку и ранила ее. Лань, собрав все силы, бросилась наутек. Спасаясь от погони, она наткнулась на юрту пастуха, заскочила в нее, упав в бессилии. Султан обрадовался и поспешил за добычей. Но у дверей юрты дорогу высокому охотнику преградил пастух-кочевник. Повелитель пришел в ярость:

– Кто ты такой, что мешаешь мне, самому Султану, воспользоваться охотничьей добычей?!

– Извини, повелитель, – спокойно сказал пастух, – но бедная лань находится сейчас под моей крышей, и я по обычаю должен защитить ее. Иначе я буду не афганец.

– Я же Махмуд, султан и повелитель страны! Да как ты смеешь?!

– Если ты действительно султан, – сказал пастух холодно и с презрением посмотрел на всадника, – то мне ли тебя учить, как надо уважать обычаи своего народа.

Султан на это не нашелся что ответить. Он хлестнул скакуна и скрылся с глаз кочевника-пастуха и его семьи!

И эти легенды родились не на песке. Они в сознании и крови народа. В течение многих столетий афганцы выработали правила поведения на войне. Главное из них – не струсить. Здесь расстреливают

1. Обычай гостеприимства.

всякого, кто без команды покидает поле сражения. Дезертир не имеет права смотреть в глаза близких и знакомых всю жизнь. Убитого в спину не хоронят. Афганское предание гласит, что невеста, провожая любимого на войну, дает наказ: «Лучше приди домой окровавленным, чем невредимым». Получив известие о гибели, молит, чтобы жених не был убит в спину и на него не пала тень подозрения в трусости. Никакая победа не может оправдать тех, кто оставил погибших или раненых товарищей на территории противника.

Закончив рассказ, Павлов смолк. А потом начал говорить снова:

– Много других интересных и своеобразных традиций у афганского народа. Жаль, что мы о них мало знаем. Особенно меня подкупает в афганцах то, что когда дело касается традиций – никаких авторитетов для них не существует. Ничьих указаний они выполнять не будут. Их личное достоинство и гордость не позволят. Потому так живучи здесь традиции. Нам бы у них в этих делах кое-чему поучиться, Сколько ценного из народных обычаев и традиций мы утратили по различным указаниям свыше. Теперь даже и начни возрождать – не получится. Отучились мы даже зримую правду отстаивать. Оправдание – «начальство приказало, ему и отвечать», – стало для нас своеобразным щитом. Только от кого оно защищает? От собственной совести и себя – не защититься, если ты действительно человек, знающий себе цену, имеющий честь.

* * *

В восемь утра, как и договорились накануне, к проходной батальона подъехал «Уазик». Шофер расторопно выскочил из кабины, открыл дверцу и из машины вышли работник Центрального комитета НДПА товарищ Наби, председатель улусвали Сахра. Сопровождал их командир батальона царандоя старший капитан Файли Ахмат. Он был высок, как абсолютное большинство афганцев, сухощав. Летняя полевая форма, пошитая из сафари цвета морской волны, ладно облегла его стройную фигуру. Фуражка с высокой тулией. Под козырьком густые брови, искрящиеся глаза, черные усы, чуть с горбинкой греческий нос. Представляясь Павлову, он с каким-то шиком приложил ладонь к козырьку, отрапортовав, встал по стойке смирно. И когда Григорий Петрович протянул руку, поздоровался хорошим мужским пожатием.

Павлову он чем-то напомнил образ немецкого офицера из кино, этакое службиста, которому очень нравится его дело. Комбат подождал, пока гражданские сядут в машину, сел тоже с каким-то шиком на переднее сидение рядом с шофером, и «Уазик» тронулся.

Они ехали в афганскую часть. По дороге Наби рассказывал Григорию Петровичу о плане действий по встрече населения, который они вчера разработали. Надо было теперь его еще раз совместно обсудить, а потом предложить советскому командованию.

Подъехали быстро. Снова четко открывал дверцу шофер, чувствовалась выучка и то, что ему, как и командиру, нравится служба.

Возле палаток шли строевые занятия. Сержант с группой солдат отработывал движения в строю и поодиночно.

– Дасте раст!¹ – скомандовал он. Но солдаты повернулись кто направо, кто налево. Он им начал что-то втолковывать. Потом встал к строю спиной, взял головной убор в правую руку и солдаты последовали его примеру. Он снова скомандовал:

– Дасте раст! – Теперь солдаты все повернулись в одну сторону. Сержант повторял и повторял команду. Эти люди просто не знали, где правая и где левая сторона.

Файли Ахмат привел гостей к палатке-клубу. Она была метров двадцать в длину, края брезента подвернуты вверх, чтобы было под ней не так душно. Здесь шли занятия по ликбезу. На столе, сколоченном из досок от снарядных ящиков, лежал десяток гранат.

– Чор, – сказал младший лейтенант.

Солдат поставил в сторонку четыре гранаты.

– Шаш.

Солдат добавил к ним еще две.

Шли занятия по математике. Остальные солдаты сидели на земле, и каждый дублировал увиденное, но только стреляными автоматными гильзами.

Но больше всего удивил Павлова хозяйственный взвод. Трое солдат под навесом вручную вращали каменный жернов, дробили зерно на крупу для каши. Чуть в стороне, еще трое месили и раскатывали тесто. Двое пекли лепешки. Файли Ахмат рассказал Григорию Петровичу, что батальон не имеет централизованного обеспечения продовольствием. Командованию выдают деньги для покупки продуктов у населения. А когда денег нет, приходится продовольствие брать займы у местных жителей. А в Панджшере ни занять, ни купить не

1. Направо!

у кого. Солдаты хоззвода пасут овец. Если батальон меняет дислокацию, стадо гонят следом за ним или перевозят на машинах, а бойцы идут тогда пешим строем. Холодильников нет. Норму питания устанавливает сам командир в зависимости от возможностей и обстановки.

Возвращаясь к штабу, Павлов заметил, что на плацу перед палатками все еще занимались строевой подготовкой солдаты. Теперь в левой руке каждого был камень для ориентира.

– Это у нас пополнение, – сказал комбат, – Недавно набрали из разгромленных банд.

Разработанный афганцами план встречи населения предусматривал выдвижение постов по охране дороги, проверку ее от мин, а также обеспечение приехавших горячим обедом. Сахра специально выделил армейцам для этого деньги. Работы по разминированию предстояло еще уточнить. Павлов договорился с командиром нашего батальона, что к двенадцати часам сюда подъедет прапорщик Кустов и все вопросы решит.

– А как обстановка со школой? – спросил Григорий Петрович Сахру.

– Что со школой? – вопросом на вопрос отозвался тот.

– Она готова принять учеников?

– Приедет учитель, будем вместе смотреть. Денег на ремонт дадим.

– А если до приезда посмотреть и все поправить?

– У меня нет людей.

– Как нет, а отряд студентов из Кабула?

– Они убирают хлеб.

– Давайте их переориентируем на школу. Товарищ Наби, как вы думаете?

– Я думаю, мы сейчас сходим туда, посмотрим и будем решать. Если надо – проведем хашар.¹

– Какой хашар? Людей нет, – ответил Сахра.

– Как нет? А я, вы, студенты. Попросим старшего капитана дать на помощь солдат.

– Наши военные, думаю, в стороне не останутся, – сказал Григорий Петрович.

Через неделю Павлов и Наби улетали в Кабул. Работа по разминированию поселка подходила к концу. Школа была готова принять ребятшек. Студенты заканчивали ремонт медицинского пункта.

1. Помощь. Субботник.

ГЛАВА 6

Вода обожгла холодом. Командир роты Ольков и не подозревал, что в такую теплынь столь неласковой окажется речка Панджшерка. Леденящие струи сводят икры ног. Зябкие мурашки бегут между лопаток и дальше к затылку. Кажется, ошершевели даже волосы и захолонуло сердце.

Солдаты бредут, глядявываясь в спины впереди идущих. Надо перемахнуть речку вброд и, пользуясь темнотой, выйти к распадку и оседлать тропу, ведущую в ущелье. По данным разведки со дня на день здесь должен проследовать караван с оружием из Пакистана.

Днем вертолеты внимательно, как ястребы, зорко осматривают окрестность с небесной высоты, хотя знают, что вряд ли караван решится появиться здесь засветло. Духи днем отсыплются где-нибудь в кишлаках, упрятав надежно грузы от «небесного досмотра», чтобы с наступлением темноты снова тронуться в нелегкий и опасный путь.

В прошлую ночь старший лейтенант Борзов водил в горы два взвода. Вернулись с рассветом. Бойцы устали, вымокли и продрогли, многие сбили вкровь ноги, но без толку. Караван к ущелью не вышел. А днем разведчики получили вновь подтверждение, что навьюченные оружием ишаки и верблюды укрыты где-то в соседних кишлаках и готовы к новому переходу. Караван надо не пропустить.

Сегодня группу ведет сам командир роты. При сборах договорились, чтобы на переходе – ни слова, ни огонька, действовать молча, подстраховывая друг друга. За расположением батальона – с гор круглосуточный душманский догляд. И надо из расположения суметь уйти тихо и незаметно, как испариться.

При выходе дозорная группа в полной форме форсировала речку сходу. Полурота, затаившись у камней, готовилась к такому же броску. Правда, командир разрешил желающим снять обмундирование, чтобы потом одеться в сухое и не мерзнуть в засаде. Но кое-кто из бывалых солдат в прошлую ночь догадался захватить про запас носки, чтобы хоть малость согреться, сняв мокрую обувь, другие совали озябшие ноги в скинутые с плеч вещмешки. Теперь же бойцы снимали с себя все, остались лишь каски на головах да бронежилеты на голом теле. Молча стягивали ремнями одежду и обувь, тревожно глядявываясь в темноту, напряженно ждали, когда с той стороны замаячит условный сигнал дозорных.

Фонарик трижды мигнул зеленым глазом. И живой солдатский ру-

чей устремился в речку. На касках приютились узлы с одеждой. Поддерживая их руками и автоматами, солдаты идут через отмель к стрелю реки и дальше, к противоположному берегу.

Зеленый глазок мигнул еще и еще. На него, как светлячки из тьмы на свет, спешат бойцы.

Вода несется с напором, журчит в ногах, обтекая тело. Её ворчеливый рокот, кажется, слышно за версту. Раздетые, такие беззащитные, люди бредут в водной стыни по пояс. Аж сердце заходится. Вода давит, старается свалить. Под ногами, словно намыленные, камни. Зубы выбивают дробь. «Держись, Ольков! - колотится мысль под черепком. - Это только начало! Все еще впереди!»

Глубина пошла на убыль. Вот и берег. Галечник нещадно колет пятки. Это тебе не российская равнинная речка с травяным ковром по берегам! Сейчас бы побегать, попрыгать для согрева. Да нельзя. Нужна тишина. Абсолютная тишина. И солдаты аж зубы сжимают, чтоб перестуком не спугнуть немоту темноты.

А дозорная группа уже снова испарилась в ночи. Бойцы полуроты, укрывшись у камней, молча натягивают на себя брюки и гимнастерки, шнуруют обувь, Сухая одежда радует тело, придает тепло, собранность. В обмундировании – ты уже боец.

Бегут минуты. И вот далеко-далеко затеплился малахитовый глазок. Ротный машет рукой. И бойцы гуськом, шаг в шаг, пробираются между камней, уходят от берега речки к распадку. Автоматы на груди. На устах – печать. Впереди Ольков, за ним, как тень, Миша Воловик, следом санинструктор Игорь Мирошников. Течет живой солдатский ручей меж камней.

Только Ольков и Воловик вывернули из-за огромного валуна, как носом к носу столкнулись с душманами. Оцепенели от неожиданности. Глаза в глаза, ствол в ствол. А руки поверх оружия, пальцы не на курке. Какое-то мгновение сверлят друг друга взглядом. Глаза, как фары! Немая морозкая напряженность. Те и другие, как раки, молча пятятся назад, за спасительный камень. Вот уже не видно глаз, торчат лишь стволы. Мгновение... И их не видно.

«Сейчас полоснет огонь! -- думает ротный. -- Может метнуть гранату за камень, вдогонку? Откуда «духи» взялись? Может разведгруппа? А может «духи» надумали учинить здесь заслон, чтобы шурави не помещали пройти каравану?» Сто – «А может?» Теперь гадай!

Сердце стучит, как мотор на предельных оборотах, гонит с напором кровь до боли в висках. Мгновения, как годы. Полурота замер-

ла. Ни звука, ни шороха. Вокруг темень и тишина. Как будто и не было ничего вовсе. Полчаса кажутся вечностью. Нутро, как граната с выдернутой чекой. Не взрывается только потому, что нервы натренированы и зажаты рассудком, как в железном кулаке.

– Вы нас пожалели, не захотели подставлять под огонь, товарищ командир? – почти беззвучно шевелит губами. Воловик.

– И себя тоже... И задача у нас совсем другая, Михаил, – перехватить караван, а не ввязываться в неизвестную заваруху, в соревнование – кто кого перестреляет.

– Оно, конечно, товарищ командир, но как-то...

Ротный прижимает палец к губам, что означает – кончай базарить. Подзывает взмахом руки сержанта, оставляет у камней группу прикрытия, чтобы «духи» не прошли к реке и не устроили здесь засаду, на которую легко можно напороться при возвращении. С остальными, взяв правее, Ольков уходит к распадку. Теперь они готовы открыть огонь в любой миг. Ночь в междулунье черна, как вороново крыло, и тиха, будто в рот воды набрала. Молчит настороженно и чутко. Пружинистым, кошачьим шагом бойцы спешат за своим командиром.

В заданную точку вышли без приключений. Солдаты молча расредоточились у тропы, занимая позиции по двое, чтобы чувствовать себя уверенней. Так легче вести наблюдение за округой и за действиями товарищей. Через минуту в ущелье властвовали снова вязкая темень и немота.

Юрий Иванович выбрал место у самой горловины распадка. И, распластавшись у камней, лежит, примостив для удобства под грудь свой вещмешок. Миша Воловик пристроился тут же. Он следует за командиром, как тень, умеет все делать ненавязчиво, почти незаметно, часто безошибочно угадывая наперед мысли ротного.

Скосив чуть взгляд, Ольков видит, что Воловик уже вынул из вещмешка пару гранат и по-хозяйски положил перед собой, рядом с автоматом. Мало ли что может случиться в любой миг. «С помощником мне повезло, – думает ротный. – Подобрал – как в десятку выстрелил».

Он слушал ночь, напрягая взгляд, всматриваясь в пространство, откуда ожидался коварный караван. «А ведь где-то здесь великий шелковый путь проходил... – всплывает в памяти. – Вот было времечко! Теперь же смерть везут караваны, и обратно, взамен, тоже смерть – наркотики».

Время ползет черепахой. Ни звука! Ни тени!

От напряжения перед глазами будто опять появились зачальмленные головы «духов», их яростные, испуганные глаза. И автоматы – ствол в ствол. Привидения появились и исчезли за камнями.

Чтобы от них избавиться, Юрий Иванович старается мысленно унесться в Зареченск, где сразу после училища начинал службу в приграничном укрепрайоне. Там было все понятно. И все совсем не так, как теперь. Родная земля! Какое счастье по ней ходить и ей служить! Теперь он остро ощутил и понял это. Ребята семи национальностей служили в его взводе в Зареченске. Спроси любого о службе, не задумываясь, сказал бы: «Покой Родины берегу!» И не слова это вовсе, а понимание службы – и сердцем, и разумом. Покой Родины!

И само приграничье вспомнилось сейчас каким-то тихим, мирным. Озера черные от тысяч разномастных уток, гусей и казары. И не выстрела! Граница блюдет тишину и покой.

А тут давит грудь каменная чужая земля. Ни обласканная, бедняга, ни богом, ни людьми. Затекли без движения ноги. Больно локтям от упора о камни. Спит ночь. В тревожном ожидании замерли люди. Где он, караван?

Над вершинами гор засветились утренние звезды-кичиги. Пора сниматься и так же тихо уходить. Караван снова не пришел.

Домой вернулись ни с чем. Ольков доложил комбату о встрече с «духами», безрезультатной засаде и пошел отдыхать. Разделся, опустил светомаскировку на окне и нырнул под одеяло. Сон не приходил. Он считал до сотни, до бесконечности повторял: «спи, спи, спи...». Но только закрывал глаза, как видел перепуганные и горящие глаза душмана. «Почему он не стрелял? – В который уже раз спрашивал себя Ольков. – Наверное, так же, как и у меня, пальцы были не на курке. А будь они на курке, стал бы стрелять? И я, и он тоже? Разумно ли, что разминулись без стрельбы? Это как игра вничью. Только, в данном случае, выстрел стоил бы жизнью. Не тот ли это случай, когда худой, но мир – лучше любой ссоры?»

В дверь постучали.

– Входите. Не сплю, – крикнул Ольков, не подымаясь с постели.

На пороге стоял Воловик. Взгляд его был взбудоражен, губы дрожали.

– Товарищ старший лейтенант. Чалого убылы. Ребята там могилу долбють, а я до вас побег..

– Как убили? Кто убил? – Ольков соскочил с кровати.

– «Духи», должно, товарищ старший лейтенант. Чалый, видимо, траву ив, а эти гады ему у голову стрелилы.

Ольков и Воловик вышли из штаба, быстро пошагали за проходную.

Чалый лежал в метрах трехстах от нее. Пуля пробила голову коня чуть выше глаз. На запекшейся крови ползали крупные синие мухи. У Олькова сжалось сердце. Был добрый трудяга конь – и нет его.

Стреляли, видимо, из заброшенного на том берегу кишлака. Чалый лежал к реке головой. И был убит, наверное, наповал. Трава вокруг не помята и лужица кровки в одном месте.

– Коняка, товарищ старший лейтенант, а жалко, як друга. Сколько вин з нами вмисти ходыв. Помощник був добрый.

– За то, Михаил, его и убили.

– Зароим его поглыбче, земли предадим, як человека, товарищ старший лейтенант. Извините, шо вас побеспокоив. Но он жи вас тоже любив.

* * *

Ночью Олькову снова не спалось. Он взял бумагу и стал писать письмо. «Папа, уже два месяца, как я служу на новом месте. Жизнь почти такая, как описана у Толстого в «Кавказском пленнике». Ночью набегу душманов. Днем серые горы да синее небо, жгучее солнце да ветер «афганец». Акклиматизацию прошел нормально и природную и боевую. Кислорода на высоте в горах маловато для дыхания, да Родины – для сердечности. В первые дни, бывало, пройдешь чуть побыстрее обычного, смотришь, с непривычки уже запokaчивало. Теперь это уже почти незаметно. С тоской по Родине гораздо сложнее.

Удачно «обкатался» и в первых боевых рейдах.

Прошлой ночью делали вылазку за реку, хотели устроить засаду. Напоролись в упор на «духов». К счастью, обошлось без стрельбы. Вроде бы, все нормально: встретились – разминулись. Все целы. Но мы же поголовно воспитаны на «дурмане Побед!» Победы у нас в крови. Они на ферме и в поле, у станка и на стройке, в шахте и в воздухе. Везде и всегда нам подавай победу, И только победу! «Одну на всех, мы за ценой не постоим!» – как красиво и патриотично в песне поется. Да только цена эта – не деньги, не золото даже, а жизни людские! Жизни парней, которые не повторяются! И за какую победу?! За чью!? Добро бы, если за победы надо было рассчитывать своей головой! Рискуй – так своей башкой! Думали бы, наверное,

больше. И песни такие не сочиняли. И стреляли меньше. А то ведь в жизни как? Решения принимают одни, а головы подставляют другие.

Разошлись мы с «духами» в ночи, как в море корабли. А в мозгах сомнение завязло. Сердце шемит, мысли будоражит: «Нужна победа!» А если ничья получилась? Хорошая, без смертей! Вот и не сплю вторые сутки. Пишу вам письмо. С кем же еще поделиться мыслями, кому сердце открыть, если ни родному отцу. Как мне тут вас не хватает!

Общая обстановка здесь остается очень сложной. Процесс стабилизации если и есть, то настолько незначительный, что я его просто не замечаю. Думаю, главная причина такого положения – в страшной отсталости этой страны и афганского общества в целом. Поголовная безграмотность, фанатичная вера в Аллаха, крайняя бедность, граничащая с нищетой. Такие жилища, как здесь, я видел только в кино про далекие-далекие времена да на картинках, когда изучали историю древнего мира. Революционностью, по моему, здесь и не пахнет. Общество еще не созрело для революций. Для большинства людей главное – его земля, его семья и Аллах. Общественная жизнь, политика – ничто. То, что произошло в Кабуле, видимо, было отдельным прорывом назревшей боли, принятым за народную революцию. Но так я думаю, со своей «колокольни». Философам виднее. У них свои «научные» обоснования. Совсем не такой я представлял себе апрельскую революцию и нашу интернациональную помощь, когда рвался сюда. Думал, буду в одних окопах с афганцами, плечом к плечу. А вышло все не так. Да в этих условиях, видимо, по-другому и не может быть. По части службы все идет нормально. Начальство и подчиненные относятся хорошо. Говорят, что в коллектив я влился сразу. Народ у нас очень дружный и боевой. Комсостав весь молодой. Самый «старый» в роте старшина – рождения 1955 года. Самый молодой – техник роты, прапорщик Аврамчик. Ему идет двадцать четвертый. А солдаты... в основном, народ еще «не целованный». И такая служба... И кровь, и смерть. Ну какие нервы здесь надо иметь, папа!?

И еще проверки замучили. То армейская, то дивизионная, то полковая. Бумаг горы. Хотя все остается по-старому. Недавно из Союза нагрянули. Готовились мы, конечно. Осматривает проверяющий бронетранспортер. Все нормально. Вдруг заметил, что лопата вместо барашка закреплена на броне болтиком. Пиши замечание, говорит технику. Тот пишет. А проверяющий уже лопату взял в руки. Смотрит на заточку лезвия, а оно в зазубринах: камни долбали. Пиши,

говорит второе замечание – лопата тупая. Потом к черенку придрался длиннее чем положено – Пиши, говорит, третье замечание.

Командир машины взял у проверяющего лопату и закинул подальше. Пишите, говорит, товарищ подполковник одно замечание: на бронетранспортере лопаты нет.

Я уж не говорю о проверках по воспитательной работе. Если нет талмудов с планами всесторонней работы – пиши: пропал. Все расценивается по бумажкам. Даже бронетранспортер, сгоревший в бою, чтобы списать с баланса, надо доказательно описать обстоятельства, представить снимок. Морока! Поначалу, рассказывают старички, от комиссий отделялись проще. О их вылете в часть радируют из штаба. Как только вертолеты войдут в нашу зону, солдаты в условном месте бросают гранаты. Грохот и пыль. С борта запрос: «Что там у вас?» Отвечают: «Обстреливают духи». И комиссии, как не бывало. Разворот – и восвояси. Теперь обустроились, так не поиграешь.

Сегодня у нас душманы убили Чалого, хороший был конь: с пониманием, я бы даже сказал, с какой-то душевностью. Привязался к бойцам, как человек. И они относились к нему, как к другу. Кормили кашей, в жару купали, угощали сахаром. Конь понимал сердечную доброту и отзывался на нее преданностью. С собакой «Афганкой» возятся, как с ребенком.

Я вначале не улавливал, откуда такое? А теперь раскусил. Человеческой душе здесь не к чему прислониться, не к кому сердцем припасть: ни к любимой, ни к матери-земле. Нет здесь ни березки нашей белостольной, ни травушки густой. Все чужое, начиная от глинобитных домишек, скучных, словно тюрьма, древних и каких-то бесплодных гор.

Понимаете, папа, я думал, что запах родной земли - выдумка поэтов и писателей. Может оттого, что в городе жил. Земля, как земля, она везде земля. А, оказывается, нет! Сегодня мы хоронили Чалого. Вырыли могилу. Я взял горсть земли, чтобы, как заведено на Руси по обычаю, бросить на покой. Поднес ее к лицу, понюхал, а у ней запах совсем не наш, жидкий, с пыльной сухостью. Я не пахарь, вы знаете, но от запаха нашей земли аж пьяным становишься. Я помню, как мы с вами на балконе в ящички рассаду высаживали, чтобы к маминному возвращению с лечения цветы у нас зацвели. Какая земля была! Черная, запашистая! И цветы были с ароматом. А здесь они без запаха. Вообще, наша земля весомая, а для селян - и как магнит. Вот, видимо, почему наш ротный песенник Федя Скачко сочинил и под гитару с грустью поет:

*И если в долинах Панджшерских
Вдруг жизнь оборвется моя,
Свезите к родимому Дону,
Где в степу дедов куреня.*

Я понимаю, это тоже тоска по родному краю. И, прежде всего, по всем вам. А здесь все чужое. И это давит больше всего. И думы порой приходят такие: «А нужны ли мы здесь вообще?»

Папа, я не собирался обо всем этом писать, да как-то само собой вылилось все, что болит. Теперь выговорился, как чеку в гранату вставил, можно разжать руку и вздохнуть. Сейчас лягу и засну».

Юрий Иванович положил письмо в конверт, написал адрес: 640000 г. Курган, до востребования Олькову Ивану Петровичу.

Домой для матери он писал другие письма, что служба в Монголии ему нравится.

Из глинобитки ротный вышел на улицу. В небе уже светились Кичиги. У окаема горных вершин зарождалось утро.

ГЛАВА 7

Павлов и его переводчик Карчи в полдень прилетели вертолетами в Талукан – провинциальный центр провинции Тахар. Им было нужно разузнать обстановку перед засылкой сюда боевого пропагандистского отряда. Чтобы не терять зря времени, после традиционного афганского чая, они попросили губернатора Гульнаваза показать базар. Нет, не покупки интересовали Григория Петровича и его переводчика. Базар на востоке – самый верный барометр жизни, где «варятся» все «новости», вершится политика, заключаются договоры и сделки.

Пошли пешком. Гульнаваза попросили незаметно подстраховать. Вот и базар. Дымятся мангалы. Дух жареного мяса щекочет в носу. Но покупателей здесь негусто. Неподалеку, под навесом, лепешечная. Там толпа. Мальчишки на листах фанеры раскатывают тесто. Двое мужчин, ловко ныряя в раскаленную пасть тандыра¹, набрасывают сочные на стенки, выхватывают со дна готовые с жару лепешки. Пятнадцать афганы за штуку. Если прикупить к ней шашлык и зеле-

1. Печь для выпечки лепешек.

ни -- будет роскошный обед. Большинство же афганцев довольствуются лепешкой и чаем. Мясо стоит дорого. Торговля идет бойко. Многие едят лепешки тут же, другие бережно завертывают их в чистые тряпицы и .несут домой.

Чуть в стороне выстроились рядом трудяги – маркабы¹. Стоят, закрыв глаза, может спят. На их спинах навьючены корзины или джавалы² с виноградом и сливами, персиками и абрикосами, помидорами, огурцами, разной зеленью. За этим живым прилавком звонкоголосые торговцы нахваливают свой товар. Отдают и за полцены. Но тут же просят бакшиш за то, что продал дешево. И бакшиш им дают. На востоке он расценивается, как подарок. А дать подарок - признак достатка, благородства и щедрости человека. Кому же не хочется быть благородным и щедрым, хоть на минуту!

В Афганистане любят торговать. Мечта абсолютного большинства жителей иметь – свой дуكان. Детей учат искусству торговли с шестилетнего возраста. В восемь они уже всюю торгуют без присмотра взрослых.

Павлов любит, как кучерявый и остроглазый бача поливает из леечки огурцы, пучки моркови, редиса, зеленого лука. Овощи на глазах преображаются, блестят свежестью. А мальчонка уже бойко зазывает покупателей. Расхваливает товар. Ловко бросает огурцы на чашу весов, она еле пошла вниз, а бача³ уже опрокидывает товар в бумажный пакет, старательно пакует, укладывает товар в сумку оробешемому покупателю, получает деньги. И все это за две-три минуты! И мальчишка уже снова расхваливает и предлагает товар. Теперь бросает на весы помидоры... Все повторяется с еще большей быстротой, виртуозностью, ловкостью, обходительностью.

Дальше под навесом – горы арбузов и дынь. Они продаются и с разномастных самодельных тележек. И здесь торгуют дети. Один из мальчишек катит рысью тележку, другой держит за рукав Павлова:

– Покупай, рафик, арбуз, лучше не найдешь! Покупай! Бисер хуб!⁴ Многие здесь знают русский язык в пределах торгового обихода. И с удовольствием говорят на нем.

А вот и ряды посолдней. Здесь продают рис, ячмень, муку, баранину. Овец режут прямо на глазах у покупателей. Барашка выводят из загороженного тут же стойла, поворачивают головой на восток,

1. Ишаки.
2. Вьючный мешок.
3. Мальчик.
4. Очень хороший

поливают водой из чайника на мордашку, вытирают ее полотенцем. Нож сверкнул, как молния. В таз брызнула кровь. Минуты – и освеженная тушка развешена на крючья. У рубщика в ходу маленький топорик и нож. Он искусно делает надрезы, укладывает мясо так, чтобы каждый кусок выглядел красиво, как на выставке.

Павлову интересно. Он наблюдает жизнь, какой она есть. И губернатор держит слово, ходит в стороне, как тень, с двумя молодыми афганцами, приценивается, спрашивает знакомых о жизни и делах.

Седобородый сафиджон¹ подошел к торговцу бараниной. Смотрит на туши. Зовет хозяина и пальцем показывает, что облюбовал. Мясник кивает головой и с улыбкой лопочет: «Бале. Бале. Хубаст»². Ловко отрезает от туши баранчика заплывшую салом надпочечную часть.

– Из этого куска выйдет отменный плов или шашлык, – говорит Карчи Павлову. – Самое нежное мясо. Уж, поверьте мне, лучше такого куска не выбрать.

Видно, что и сафиджон доволен. Достает кошелек, расплачивается не спеша, с достоинством, раскланивается с продавцом и идет, гордо вскинув голову. Следом за ним семенит мальчик торговца. На вытянутых руках, так чтобы видели все, несет покупку достойного господина.

Пора уже заканчивать обход базара, но Григорию Петровичу хочется подольше побыть здесь, чтобы потом сравнивать, размышлять. А тут еще после жгучего афганского лета ласкает своей благодатью молодая осень с ее теплынью и щедрыми дарами земли. Так бы и не уходил с этого говорливого базарного многолюдства.

Но Карчи предупреждает, что губернатор уже который раз посматривает на часы. Гостю на востоке не задают вопросов, с уважением относятся к его желаниям. Терпелив губернатор Гульнаваз. Но здесь умеют оценить уважение и внимание гостя к хозяину. Григорий Петрович помнит советы Саида Афгани и следует им. Павлов и Карчи идут навстречу губернатору.

О Гульнавазе Григорию Петровичу в Кабуле рассказали интересную историю. Он врач по профессии, но, как активный партиец, был выдвинут в провинцию на губернаторский пост. Выполняя решение ЦК, Гульнаваз приехал в Талукан, но не знал с чего начать свою губернаторскую деятельность, хотя с ним беседовали об этом в Совмине и в Центральном Комитете партии.

1. Старец.

2. Да. Да. Хорошо.

День просидел он в губернаторском кабинете без дела, никто к нему не заходил. Решил навеститься в городскую больницу. Обнаружил, что там уже давно нет врача. Стал принимать больных. Народ к нему повалил. За месяц он многим помог, а еще больше – себе. В больнице Гульнаваз узнал о жизни провинции столько, что начни он свою работу в губернаторском кабинете, так и за десять лет столько бы не услышал. Теперь полгорода кланяются Гульнавазу при встрече, его почитают и как губернатора и как врача. Один раз в неделю он так и работает в больнице как доктор.

Солнце уже наполовину опустилась за дувалы. Вдруг где-то на окраине, в кишлачной зоне, дробно застучала автоматная очередь. Ей ответили выстрелы чуть поближе. Потом ещё и ещё. Вскоре стрельба с какими-то перепадами покатила по городу. Павлову это напомнило детство, его поездку с отцом в казахский аул. Тогда у первых мазанок их бричку встретил лаем лохматый пес. Ему живо откликнулись другие собаки. Через считанные минуты повозку со всех сторон окружали разномастные грозные псы. Из-за их лая и рычания ничего не было слышно. Казалось, разъяренные собаки сейчас бросятся на возок и заживо загрызут непрошенных гостей.

Но лицо губернатора спокойное. Он с достоинством сел в сверкающий палевой краской новенький «Уазик». Только вчера Гульнаваз получил его и был рад на «обновке» прокатить гостей.

Наверное, чтобы успокоить Павлова, губернатор заметил:

– Опять царандоевцы палят. Настоящий афганец знает, что выстрел – не забава. Патрон денег стоит. А у этих стражей порядка патроны не куплены. Сколько раз говорил их начальнику, чтоб без нужды не стреляли. Без толку. Теперь не уймутся до утра.

На востоке ночь наступает быстро. Уже темнело, когда машина подошла к провинциальному комитету партии. Неожиданно перед ней выскочил царандоевец. Он вскинул автомат, направил его на лобовое стекло автомашины и гаркнул, что есть мочи:

– Дришь! Кастид!¹

Второй солдат подскочил к дверце, резко её открыл и, протянув руку, потребовал:

– Корт!²

Но, видимо, узнав губернатора, заулыбался и взял под козырек. Машину встретил советник при партийном комитете Хабиб Раби-

1. Остановись! Немедленно!

2. Пропуск.

ев. Павлов его знал по Союзу. Но он очень внешне изменился. Стал поджарый. Опустил залихватские усы. И чем-то теперь напоминал Оку Ивановича Городовникова, славного военачальника времен гражданской и Отечественной войн.

Таджик по национальности, Рабиев быть может легче остальных советников входил в новую жизнь и в новую работу. Он знал местный язык. Традиции и обычаи народа ему были близки. Природная сметливость, душевная искренность и стремление помочь людям находили понимание у партийцев и жителей городка.

Идеологический работник, он и здесь во главу своей деятельности положил общение с людьми. Умел выслушать человека, понять до конца его душу, мысли и рассуждения. Если надо, старался убедить, посоветовать, увлечь личным примером. Что он здесь уважаем, Павлов понял из разговоров губернатора, который за короткую дорогу несколько раз упомянул: «Мушавер – подсказал», «Хабиб Рабиев помог», «Мушавер у меня спрашивал». Чувствовалось, авторитет советника здесь высок.

Григорию Петровичу вспомнилось, как руководитель группы Ломоносов «воспитывал» недавно провинциального советника, бывшего первого секретаря горкома одного из областных центров СССР за командирские замашки в советнических делах и в общении с товарищами, советниками других ведомств, с командованием воинской части.

– Отвыкайте, Олег Павлович, якать и тыкать, – наставлял Ломоносов. – Давно бы пора понять, что вы здесь, как все, в одних правах. Вас первым секретарем тут никто не выбирал и выбирать не будет. А лидерство можно завоевать лишь знанием дела, умением чувствовать и оценивать обстановку, давать дельные предложения, а главное – реализовывать их практически. Вы же суетесь в дела, где совершенно не компетентны, и выглядите смешно.

Олег Павлович вроде бы все понял. Извинялся и заверял. Но через неделю Павлову пришлось выезжать на место, чтобы осадить рьяного советника. Он и после беседы никак не хотел сдавать позиции «первого», требовал ежедневного доклада обстановки от командира части, назначал строевой смотр, стал давать указания где и как производить минирование...

Когда командир части сказал, что отдавать приказы у него есть свое начальство, советник возмутился:

– Как вы отвечаете представителю ЦК КПСС? Я потребую, чтобы вас немедленно освободили от командования...

Отношения между ними были вконец испорчены. Советника пришлось переводить в другую провинцию.

Хабиб Рабиев предложил за ужином обговорить планы на следующий день. Но обговаривать ничего не пришлось. Гульнаваз сказал, что завтра, как он думает, следует поехать в кишлаки. Поговорить с декханами о заключении договоров на продажу государству ячменя, риса и хлопка.

– Машина у меня есть, – с каким-то торжеством сказал он, – теперь можно будет по-настоящему работать.

Предложение было одобрено к большому удовлетворению Гульнаваза. Павлову показалось, что губернатор внутренне ликовал, ему очень хотелось поездить на новой машине.

* * *

Афганцы начинают работать с рассветом, чтобы в жару отдыхать. Часов в шесть новенький «Уазик» выехал за город. Прохожие проводили долгими взглядами ещё не примелькавшуюся на улицах города машину. Губернатор предлагал взять «джип» с охраной царандоевцев, но Павлов запротестовал: зачем излишне привлекать к себе внимание. Рабиев тоже так посоветовал. Ехали в кишлаки, где была уже проведена земельная реформа. Беднякам недавно дали землю. Сюда обычно ездили без военного сопровождения.

Навстречу попались пахгозары¹. Семенили мелкими шажками навьюченные ослики. Было необычно видеть, как за седобородым старцем, гордо восседающим на ишаке, бегут вприпрыжку в одинаковых паранджах жены.

Переводчика с собой Павлов не взял. Он рассчитывал на Хабиба Рабиевича. Но проехали уже порядочно, а Рабиев и Гульнаваз молчали. Григорий Петрович вспомнил слова Саида Афгани: «У нас гость всегда выше хозяина. Ему и лучшее место, и первое слово».

Чтобы сделать приятное хозяину, Павлов сказал, что Гульнаваз ему, как гостю, подарил сегодня и свое время, и свою машину.

– Я хитрый, – заулыбался губернатор. – Везу вас потому, что хочу узнать все новости Кабула и одновременно провернуть свои неотлож-

1. Пешие путники.

ные дела. Хлеб для государства надо успеть закупить, а то его перекупят или просто заберут душманы. Будем договариваться о ценах и о месте, куда декханам свозить зерно и хлопок. Мы с Хабибом Рабиевичем отправили письмо в Совет Министров. Просим выделить под хлебозаготовки удобрений, разных товаров и сортовых семян хлопчатника. Прошел уже месяц. И ни каких вестей. Может, вы в Кабуле замолвите за нас слово, поторопите кого надо. Агитотряд сюда пойдет и товары пусть захватит. Тогда работа у нас совсем наладится. Афганцы чутки к хорошему слову, но когда оно подкреплено материально – вдвойне. – И Гульнаваз посмотрел на Павлова с хитровой улыбкой.

Нет, не просто прокатить гостя на новой машине решил губернатор, как вчера думал о Гульнавазе Григорий Петрович. Чувствовалось, он входит во вкус новой для него работы.

* * *

То, что увидели они в кишлаке Айбачи, вызвало в душе тревогу. На картоне от коробки из-под томатной пасты, прибитой к дувалу, было написано: «Кто взял из рук неверных чужую землю, нарушив святой Коран, выкопай сперва на ней себе могилу, а потом сей».

Кто сорвет со стены наш совет – отсечем руки».

Павлов видел, как дрогнули губы у Гульнаваза. Губернатор подошел и с гневом сорвал с дувала картон.

– Что ты делаешь, саиб – закричал неизвестно откуда появившийся вдруг мальчишка. – Они тебе отсекут руки.

– Не отсекут, бача, – Гульнаваз положил ладонь на голову мальчишки. – Я их не боюсь. И ты не бойся. Они не люди – ашрапы. Они – хархушой!¹

Бача, беги к карьядору². Пусть он кликнет сафиджон и идет к мечети. Скажи, что губернатор ждет.

Гульнаваз не спеша повел советников по берегу ручья к раскидистым ореховым деревьям. Там, в тени под кронами, скрестив ноги по восточному, калачиком, сидели десятка полтора мальчишек. У каждого на коленях – дощечка с песком. На ней они палочками писали.

1. Ишачий помет.

2. Председатель, староста кишлака.

Седобородый мулла, расхаживая, смотрел, как они выполняют его задание.

– Вот, Григорий Петрович, типичная сельская школа, – сказал, – Рабиев. – Здания нет. Поэтому учатся ребятишки весной и осенью здесь, под деревьями, иногда в мечети. Учатся дети тех, кто может за это платить.

Они подошли совсем близко. Старец что-то сказал, дети дружно вскочили и поздоровались, приложив к груди ладони.

Гульнаваз подошел к учителю, коснулся ладонями его бороды, поцеловал их, а потом, взяв старца за плечи, трижды расцеловался с ним по мусульманскому обычаю. Так же поступили Рабиев и Павлов. Учил ребятишек местный мулла Бобохан.

– Азизам, Бобохан, монди набашид¹, – нараспев говорил Гульнаваз, держа ладонь муллы в своих руках. – Да продолжится в веках ваше святое дело. Спасибо вам, что учите детей разуму и священному Корану в эти трудные дни.

Павлов, наблюдая за губернатором, думал: «А он дипломат!»

Подходили люди. Расстелили на берегу большую скатерть, прижав ее углы камнями, рядом положили кульпача для гостей. Сафиджоны шли к воде, снимали башмаки, мыли ноги и, сняв с плеча кампал, расстилали его, сажидиль, подложив под себя ступни. Когда сели все – образовался круг. Мулла поднял к небу руки и заговорил нараспев. Намаендагоне мардум² началось с намаза.

Павлов вспомнил, Саид Афгани говорил ему: «Как только мусульманин поднял к небу ладони – душа его покинула землю и говорит с Аллахом. Он в это время никого не видит и не слышит».

Закончилась молитва. Бобохан сказал, что угодные Аллаху слова скажет сейчас почтенный губернатор.

– Слава Аллаху, что я вижу во здравии мудрейших людей Айбачи, – начал Гульнаваз свою речь. – Да продлится жизнь ваша до конца века в достатке и уважении... Ныне Аллах снова достойно отблагодарил людей за пот и труд на земле...

Губернатор говорил, что благодаря Аллаху в Талукане на базаре в достатке хлеб, мясо и овощи. Но народная власть готова закупить у декхан все излишки продуктов. Сама вывезет их, хорошо заплатит или обменяет на товары. Просил назвать цену на ячмень и пшеницу, на хлопок.

1. Уважаемый.

2. Беседа.

Павлов внимательно следил за лицами старцев. Но они были непроницаемы. Не изменилось их выражение, и когда Гульнаваз закончил говорить.

Наступила пауза. Все молчали.

– Я, наверное, не очень вразумительно и понятно говорил? – обратился он к карьядору Бабуру.

– Нист¹, азизам Гульнаваз. Нам все понятно, – ответил тот. – Два дня назад здесь же душманы жестоко расправились с семьей бедняка Даровгара...

Конный отряд басмачей из Ишкимиша нагрязнул в кишлак Айбачи неожиданно. Вооруженные душманы стучали в ворота, требуя выходить людям на площадь, к мечети. Встревоженные жители собрались быстро.

– Предатели веры! Нечестивые перевертыши! – кричал главарь басмачей Резабек. – Вы опозорили имя гордого афганца и священный Коран! Забыли шариат и святыне традиции народа! Признавайтесь, кто из вас получил землю из рук сатанинской власти!

Люди угрюмо молчали.

– Трусливые шакалы! Жалкие пакостники! – орал Резабек. – Вам не уйти от кары Аллаха!

– Зачем позоришь достойных людей, пришелец? – Из толпы вышел вперед батрак Даровгар. – Мне дала землю народная власть.

– А своей тебе мало?

– У меня её не было совсем.

– Добавьте ему ещё, чтобы досыта нажрался!

Трое душманов завернули руки Даровгару, повалили, стали набивать в рот песок, разжав стиснутые зубы кинжалом. Набивали до тех пор, пока он перестал шевелиться.

– Кто ещё хочет земли?! Выходи! – спрашивал Резабек. – Карьядор! Со всех, кто взял землю, собери налог для моджахедов! Сто килограммов зерна с каждого джероба. Кто не рассчитается, мы поступим так же, как с этим псом! – И он показал камчой на замученного Даровгара.

– Вот какое несчастье, азиз Гульнаваз, – продолжал карьядор. – Когда представители власти давали людям землю, говорили, что бесплатно и навечно. А бедняк Даровгар и одного урожая собрать не успел, а расплатился за надел своей жизнью. И сыновей его, душманы угнали к себе в горы, будут использовать как маркабов. Вчера

1. Нет

шесть семей бросили свои наделы и ушли из кишлака куда глаза глядят. Если власть дает землю, она должна позаботиться, чтобы люди могли достойно пользоваться ею. Я уж не говорю о том, чтобы их не убивали. Сегодня мы продадим вам зерно, а завтра придут душманы и увезут его к себе. Вы можете обеспечить нашу безопасность?

Нет, гарантировать безопасность кишлака губернатор не мог. И он честно сказал об этом людям. Но посоветовал создать отряд самообороны, обещал дать для него оружие.

В кишлаке Чуграни к машине подошла женщина в парандже. Она опустилась на колени и, плача, о чем-то просила губернатора. Гульнаваз приподнял её, усадил на переднее сидение и велел шоферу ехать быстрее.

У афганцев есть хорошая традиция – не отказывать в просьбе женщине. А у этой матери случилась трагедия...

Из кишлака Айбачи банда Резабек завернула в Чуграни. Народ собрали на площади, и глава банды снова измывался над людьми, бранился, что забыты законы предков и священный Коран.

В это время душманы, оставленные у кишлака в дозоре, притащили на площадь парнишку, схваченного при возвращении с выносного поста от советских солдат. Туда он относил помидоры. У парня за пазухой нашли две банки сгущенного молока. На глазах у толпы басмачи отрубили топором у парнишки ступни.

– Больше он не побежит к шурави! – Кричал Резабек, – и будет живым напоминанием для всех. Так заплатит Аллаху каждый, кто пойдет к неверным.

Мальчишку надо было срочно везти в больницу, чтобы сделать операцию. И доктор Гульнаваз не нарушил клятвы Гиппократата.

* * *

Заканчивалась командировка Павлова в Тахар. Была джума¹, и Хабиб Рабиев устроил для гостя Худохафиз¹. В саду под тутовником на скатерти рядом с гроздьями золотистого винограда искрились росной сахаристостью ломти арбуза, медовый аромат шел от нарезанных дынь, стояла тарелка с ореховыми зернами и пиалы с зеленым чаем.

1. Выходной день.

2. Прием.

Но сюрпризом для Павлова был гость Хабиба – афганец Хайятджан. Сухой и седобородый, он вошел через калитку во двор в скромном национальном афганском наряде. Глаза старика искрились. Он был радостно возбужден. И когда снял с плеча и уложил под себя кампал, у Григория Петровича глаза поползли на лоб. На выцветшей от солнца дриши блестели два ордена Солдатской Славы, орден Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За оборону Москвы».

Если бы в этот миг во дворе рванул снаряд или мина, поднялась стрельба, Павлов бы нисколько не удивился. Но это... Он сгорал от любопытства. На востоке, не любят торопить время. И он ждал. Хайятджан здесь был такой же гость, как и он сам.

Пришел отобедать и Гульнаваз. С утра он делал мальчику перевязку, подготовил его к отправке вертолетом в Кабул. Он тоже с восхищением глядел на Хайятджана.

На востоке все начинается с чая. В него Хабиб добавил лепестков свежих роз. Гульнаваз сказал, что это благотворно действует на здоровье.

За дувалом говорили громко. Охранник-царандоевец кого-то не пускал во двор. Хабиб поднялся и пошел к калитке. Вернулся оттуда с человеком. На него было жалко смотреть. Грязный и взлохмоченный, серый от пыли, в изношенной до дыр дриши¹, без башмаков. Ноги человека, наверное, никогда не знавшие обуви, были черны и в трещинах, как земля в засуху. Павлов даже здесь в Афганистане видел такую бедность впервые.

Хозяин взял чайник и полил на руки страннику, усадил к дастархану, налил пиалу чая. Все смотрели на нежданного гостя с тревогой и ожиданием. Павлов заметил, какая-то искорка блеснула в глазах старика. И по щекам потекли слезы.

– Рафик мушавере. Они украли из стада трех овец. А у меня двенадцать детей. Я не могу вернуться домой с пустыми руками.

– Кто украл, сафиджон? – спросил Рабиев.

– Аскеры, мушавере.

– Чьи аскеры? Шурави?

– Нист, аскеры царандоя.

– А я здесь причем? Я аскерами не командую.

– Люди сказали, что только мушавере шурави сможет помочь в этом деле. Мы гоним вдвоем чужое стадо в восемьсот овец. Когда до места дойдем, нам за работу отдадут десять. Утром гнали атару че-

1. Рубаха.

рез мост. Там нас и обворовали.

Советник вопросительно смотрел на губернатора. Тот молча поднялся. За ним встали все и направились за дувал.

У моста через Кокчу был вырыт блиндаж и стоял пост царандоя. Гульнаваз смело шагнул мимо постового и открыл дверь блиндажа. Там были овцы.

– Ну, чупон¹, забирай своих овец, – сказал губернатор.

Старик радостно бросился в блиндаж, но вышел оттуда обескураженный.

– Моих овец здесь нет. Это чужие. Я знаю, чьи они. Моих нет.

– Где его овцы? – наступал губернатор на солдата.

– Я не знаю.

Гульнаваз со всего размаха ударил солдата в ухо. Тот кубарем полетел в воду. Когда солдат вылез, губернатор схватил его за грудки.

– Где его овцы, я тебя спрашиваю?

– Их увели на базар.

– А ну, бегом марш за ними, – Он вдогонку пнул солдата под зад. И тот действительно побежал.

– Рафик Гульнаваз, вы действуете как при короле, а не как губернатор народной власти, – заметил Павлов, обращаясь к разгневанному доктору.

– При короле его бы за воровство вздернули. А я так, слегка, наподавал. Может поймет. Его, наверное, тоже так обирали. А теперь у него оружие, и он грабит. Тут ещё не хватает. – И губернатор постукал пальцем по голове.

Через полчаса радостный старик увел своих овец в стадо. Но торжественного обеда так и не получилось. Вот-вот должны были прилететь вертолеты. Павлов и Карчи спешили на аэродром. Рабиев и Гульнаваз поехали их провожать.

– Жаль, не поговорили с Хайятджаном, – сокрушался Григорий Петрович. – Как он сюда попал?

– Он афганец. Но когда узнал, что Гитлер напал на Советский Союз, перешел границу и добровольцем ушел на фронт. Сражался достойно. Отвоевался – так же через горные тропы вернулся к себе домой, – сказал Хабиб. – Приезжайте ещё. И он расскажет вам свою историю.

Когда подъезжали уже к аэродрому, увидели стадо овец и пастуха, из-за которого прощальный обед так и не состоялся. Никто из участ-

1. Пастух.

ников прощального обеда в тот день и предположить не мог, что через месяц старый чабан вернется в Талукан к мушаверу Рабиеву, чтобы предупредить о заговоре главарей банд и грозящей городу беде. Он назвал и день и час, когда бандиты наметили захватить город.

– Не хочу, мушавере, чтобы ты погиб и дело, которому ты служишь, – сказал он на прощание, – Поэтому и пришел.

ГЛАВА 8

После двух лет командировки и многочисленных просьб Григорий Петрович, наконец, получил разрешение ЦК КПСС и Министерства Иностранных дел вернуться домой, в Союз. Всю неделю сборов к отъезду и передачи дел приехавшему на смену работнику ЦК КПСС Михаилу Синичкину Павлов находился в каком-то удивительно-свободном и радужном состоянии праздника. Одни люди, как и прежде, заходили к нему в кабинет за советами и с просьбами, докладывали о выполненных заданиях, другие -- попрощаться. Карчи не успевал кипятить самовар и угощать посетителей чаем, без которого не проходит ни одна беседа ни в одном учреждении Афганистана.

В кабинете сидели офицеры отдела спецпропаганды штаба 40-й армии, генерал-лейтенант Николай Кизюн – главный советник при штабе афганской армии и подполковник Василий Менщиков – комиссар Саланга, как окрестил его Павлов.

Дверь открылась и вошел полковник царандоя Карим Сарбоз, здороваясь, он приложил пальцы ладони к козырьку. Карчи предложил полковнику присесть и выпить чаю, но Карим Сарбоз посмотрел на Павлова, а потом на часы.

– Рафик Григорий Петрович, через сорок минут вас ждет у себя Министр Гулабзой. Он приказал мне обеспечить вашу безопасность.

Григорий Петрович не забыл о приглашении Министра МВД Афганистана. Сегодня утром по дороге на работу, включив радиоприемник в машине, совсем случайно услышал сообщение, что Указом Президента Афганистана Бабрака Кармаля Гулабзой присвоено звание генерал-лейтенанта.

Министр в этот раз был в прекрасном настроении. При предыдущей их встрече, с полгода назад, обсуждалось предложение Гулаб-

зою поехать на учебу в Советский Союз. Молодой, энергичный и волевой Министр не захотел тогда ехать и, пристально глядя в глаза Павлову, сказал: «Если я сейчас уступлю этот пост, то парчамисты мне его никогда не вернут, даже после всех советских академий. Я говорю вам об этом, надеясь, что другие в Кабуле сказанного мной не услышат. А на Политбюро я найду что сказать».

Григорий Петрович поздравил Гулабзоя с высоким званием. А тот, улыбнувшись, заметил полушутя:

– Видите, я даже не в форме сегодня. Новые погоны нашить не успел, приехал на службу в гражданском костюме. А для вас, Григорий Петрович, мы приготовили сюрприз. Наградить орденами партийных советников нам ваше руководство строго не рекомендовало. Зато за постоянную помощь в наших делах мы произвели Вас в Почетные капитаны Царандоя. – Он взял со стола хорошо упакованную коробку и, пожав руку, вручил ее Григорию Петровичу. – Здесь ваша офицерская форма. – Мы не сомневаемся, что чести Почетного офицера Царандоя вы не посрамите.

К себе в кабинет Павлов приехал после чая и беседы у Гулабзоя. А Карчи, не дав ему даже присесть, доложил: Вам уже пора ехать в Министерство просвещения. Министр Каюми ждет в 16 часов. Еще был звонок от Министра связи Ватанжора. Он просил заехать к нему после 17.30. Он будет ждать.

Григорий Петрович знал, что не посетить этих уважаемых людей нельзя. Такого в Афганистане не простят, посчитают себя оскорбленными. Он сел в машину и поехал в Министерство просвещения.

Прощаться с Павловым в аэропорт приехал секретарь ЦК НДПА Махмуд Барьялай. Он первым же предложением, как у нас говорят, «огоршил» Григория Петровича.

– Товарищ Павлов, ждем скорейшего вашего возвращения а Афганистан. Письмо Бабрака Кармаля с просьбой об этом полетит в одном самолете с вами. Такие советники, как вы, нам всегда очень нужны.

– Спасибо за добрые слова, но мне сейчас важнее всего долететь до дома.

– Летите, но возвращайтесь. А теперь пойдёмте в комнату для гостей. На посошок, так, кажется, у вас называется прощальный фужер? – И засмеялся. – Исполним вашу традицию. А вы, Григорий Петрович, не забудьте исполнить нашу – бросить с трапа самолета на землю звонкие монеты, чтобы вернуться в Афганистан. Мы вас

будем очень ждать, очень.

В самолет Павлов вошел последним. Пассажиры уже сидели на местах. Потные, усталые, но с искрящимися от счастья глазами. В носовой салон дверь была открыта, и Григорий Петрович заспешил туда, будто от его расторопности зависил отлет самолета.

В салоне Павлов опешил от неожиданности: в кресле рядом с его местом сидел улыбающийся полковник Ким Македонович Цаголов – преподаватель Кабульского военного университета Харби Пухантун, человек-легенда среди советских специалистов в Афганистане. Это он, сменив военную форму на одежду простолюдина-афганца, повязав чалму и взяв посох, один, безоружный, много раз уходил в тревожные кишлаки «разговаривать с народом», как он объяснял. За эти рискованные выходы Павлов величал полковника – «Закидонович», вместо Македонович, но тот только в ответ хохотал. И продолжал свои «походы». Ему удалось убедить людей ряда кишлаков перейти на сторону народной власти. Несколько банд-формирований после «походов» Македоновича к ним влились в вооруженные силы республики. В кишлаке Пули-Санги руководитель моджахедов Маланг после бесед с Цаголовым присягнул на верность правительству, был произведен в старшие лейтенанты, а его подразделение преобразовано в стрелковую роту. В кишлаке Дехьяхья из отряда моджахедов был сформирован батальон, а бывший главарь формирования Абдула Хади произведен в капитаны и назначен командиром этого батальона.

Для пущей убедительности в полезности своих походов Цаголов свозил Павлова и группу писателей, приехавших из Советского Союза, к своим подопечным и показал наяву, как преобразуют они жизнь на принципах кооперирования.

Афганцы называли Цаголова – Кинешка и не раз приходили из своих кишлаков в Кабул посоветоваться с мудрым человеком.

Примерно за полмесяца до отлета Павлова в Союз разведчики через верных осведомителей получили информацию, что контрреволюция за голову Кенешки установила премию в 100 тысяч долларов. Было решено немедленно отправить Цаголова в Союз, чтобы не произошло беды. Отчаянный осетин Македонович сетовал на это решение, говоря, что ему «сорвали» интересную и нужную для афганской революции работу. «В кишлаки надо ходить с убеждениями, а не с пушками, – докладывал он нашим и афганским армейцам. – Пользы от этого будет больше, а затрат – меньше.»

Рассказы Цаголова были интересны и бесконечны. Македону было что поведать товарищу, который высоко оценивал его методы работы с населением Афганистана.

Ким Македонович тоже не ожидал встретить здесь Павлова. Он вскочил с кресла и с восторгом обнял Григория Петровича по восточному обычаю. Вздолбанные встречей, они расцеловались, крепко жали друг другу руки, хлопали по плечам. Вошедшая в салон стюардесса несколько охладила их пыл:

– Товарищи, обратите внимание на табло. Приготовиться к взлету, пристегнуть ремни.

И действительно, только друзья успели выполнить просьбу пилотов, как самолет побежал по взлетке, мягко оторвался от бетона и начал круглыми виражами ввинчиваться в небо Кабула. Заработали тепловые ловушки. Огненные ракеты веером летели от самолета ТУ-154. Это был не салют отлета, а способ для отвода ракет на случай, если душманы обстреляют самолет до того, как он наберет высоту три тысячи метров. Глядя на летящие огоньки, Павлов вспомнил, как на подлете к Кабулу 29 декабря 1984 года «духи» сбили ракетой наш самолет «Ил-76», везший армейцам новогодние подарки. Летчики тогда не включили вовремя это спасательное средство.

Разговор друзей прервал щелчок бортового радио и слова: «Товарищи пассажиры, мы перелетели воздушную границу СССР. Опасности обстрела больше нет!» И вдруг раздались резкие хлопки. Это стреляли пробки из бутылок шампанского. И радостное «у-р-а» покатило по всему самолету.

Пассажир, сидящий напротив друзей, спешно открыл бутылку коньяку и угощал сидящих с ним соседей. Потом достал гитару и с восторгом запел:

*До бескрайности длинный
Завершается год.
До советской границы
нас домчал самолет.
И хребты Гиндукуша,
оставляя внизу,
Нашим мыслям послушный,
Он набрал высоту.
Скоро встретит нас столица
аэропортовский зал,
Сердцу милые лица,*

кто в нас верил и ждал...

Слушая песню Павлов пожалел, что не позвонил домой о прилете. Но ведь сколько раз окончание его командировки откладывалось в самый последний момент. Замена опоздала на полгода.

После афганской командировки Павлов месяц пробыл в госпитале. Его проверили «на все возможные, заболевания», как шутил над бывшим мушкетером доктор. В ЦК Григорию Петровичу предложили должность, но он попросил отпуск и улетел отдыхать в Киргизию, на Иссык-Куль. Климат здесь был близок к афганскому.

А потом дела закурили бывшего советника на полные обороты. За два года на родной земле произошли серьезные изменения. Менялся политический климат, что вчера еще было нормой жизни, сегодня ставилось под сомнение. Вместо конкретных дел шли пустозвонные дебаты о перестройке во всех областях жизни, о всенародной борьбе с пьянством и алкоголизмом. Одна научно-практическая конференция по проблемам перестройки следовала за другой, а производство топталось на месте или катилось вниз.

На этот раз разочарованный Григорий Петрович летел с такой «говорильни» из Ленинграда, где кроме общих, избитых фраз и лозунгов типа: «Научно-технический прогресс – компас перестройки» ничего не услышал и не увидел. К душевному неудовлетворению добавились еще и злобные капризы природы. Когда летели на конференцию в Ленинград, попали в сильнейший небесный шторм. Самолет бросало в воздухе, словно щепку. Одна пассажирка досрочно разродилась в самолете, несколько человек при посадке увезла неотложка с сердечными приступами. Теперь, на обратном пути, снова приключения. Уже на подлете к Челябинску бортпроводница объявила, что ввиду сильного тумана самолет сделает временную посадку в Курганском аэропорту, где видимость в пределах нормы, сколько продлится стоянка здесь – никто не скажет. А вечером у жены Григория Петровича день рождения.

Но, сойдя с трапа, Павлов улыбнулся. На него повеяло знакомым: здание курганского аэровокзала было копией Кабульского. Такие же огромные витрины. И Григорий Петрович вспомнил тот трагический день, когда друзья-советники провожали на Родину честно отслужившего полтора года советником в Афганистане тюменца Георгия Клементьевича Сатюкова.

Утром все уже было готово к отъезду, чемоданы советника уложены в машину. Налили по стопке на посошок. Подняли их и ждали,

кто же скажет эти последние прощальные слова. Товарищи смотрели на Григория Петровича: он, как секретарь партийной организации аппарата советников, конечно, скажет. И в этот момент зашел Азими – заведующий финансовым отделом ЦК НДПА – подшефный Сатюкова.

– Георгий Клементьевич, и вы, товарищи, не торопитесь, до отлета самолета еще часа два. Зачем вам в аэропорту париться, будьте здесь, а я съезжу билеты зарегистрирую и все документы оформлю.

С его предложением все горячо согласились.

– Вот видишь, Георгий Клементьевич, не зря ты учил подшефного быть экономным и рациональным. Сейчас он это зримо нам продемонстрировал, – заметил Павлов. Все дружно захлопали. А коли спешить теперь было не нужно, то собравшиеся советники перешли к общим житейским разговорам. Минут через сорок дверь квартиры распахнулась, на пороге стоял весь окровавленный Азими.

– Аэропорт взорвали! Погибло много людей! – выговорил он и заплакал.

Все рванулись к двери, чтобы ехать к месту диверсии. Азими раскинул в стороны руки.

– Оставайтесь на месте. Там все оцеплено. Никого не впускают и не выпускают. Я здесь потому, что начальник охраны хорошо знает меня и я ему объяснил, почему был в аэропорту и что вы все меня ждете.

К концу дня стало известно, что погибло около семидесяти человек, больше сотни ранено. Это были офицеры афганской армии, которые должны были лететь на учебу в Советский Союз.

От воспоминаний об этой трагедии у Григория Петровича каждый раз учащенно колотилось сердце, а на лбу выступала испарина. Он прошел в ресторан Курганского аэропорта и попросил буфетчицу налить стопку коньяку. Когда стал рассчитываться, то вместе с деньгами вынул из бумажника визитную карточку:

***Иван Петрович Ольков,
начальник АТП-1.г. Курган***

Её дал Павлову в Панджшере командир роты Юрий Иванович Ольков, сказав, что его родители встретят Григория Петровича как дорогого гостя в любое время. «Где же служит теперь комроты Ольков?» – подумал Павлов и зашагал к телефону-автомату.

Вслед за звонком на другом конце провода послышался спокойный голос:

– Вас слушает Ольков.

– Иван Петрович, вас беспокоит Павлов Григорий Петрович. Мы встречались с вашим сыном в Афганистане. Где он сейчас проходит службу?

– Вы откуда звоните? – донеслось из трубки. Павлов почувствовал волнение в голосе.

– Из курганского аэропорта. Вынужденная посадка самолета из-за тумана в Челябинске.

– Во сколько намечен отлет?

– Пока неизвестно. Все зависит от небесной канцелярии.

– Пожалуйста, выйдите из здания и стойте справа от двери. Я минут через 8-10 подъеду. Очень прошу, мне нужно вас непременно увидеть.

И правда, Ольков не заставил себя ждать. Он вышел из машины. Лицо его было очень серьезным, с каким обычно не встречают гостей. Взгляды двух поседевших отцов встретились...

– Так вот получилось, Григорий Петрович, что Юра больше никогда не выйдет нас встретить.

– Тогда поедемте мы к нему, Иван Петрович, Очень жаль, что все так случилось, Очень жаль. Такие парни, как Юрий Иванович, нужны Отечеству.

По дороге к кладбищу они почти не говорили. Остановились только возле цветочниц у городского сада.

Обнажив головы, подошли к могиле. Букеты красных гвоздик легли к памятнику, под которым вечным сном спит боевой командир Юрий Иванович Ольков.

* * *

Как это произошло – дорасскажут за меня эти письма.

«Дорогие Галина Васильевна и Иван Петрович! Письмо ваше я получил. Оно камнем легло мне на душу. Я не спал всю ночь. Казалось, мы с Юрием Ивановичем снова задыхаемся в той проклятой и пыльной афганской жаре.

Вы просите рассказать о сыне. Всего не поведаешь. Ведь мы служили вместе десять месяцев, где каждый день, как год.

Скажу честно. Ваш сын был необыкновенным человеком. За всю

мою службу в нашем батальоне такого чуткого командира, как Юрий Иванович, не было. Его любили и уважали все: и солдаты, и офицеры, и начальство выше. Он был справедливым, очень отзывчивым на дружбу и добро. Умел как-то попросту к каждому подойти, найти ключик к разговору.

Я был у него как бы вестовым. Много раз ходил с ним на боевые задания, за что награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Часто приходилось есть из одного котелка, ночевать под одной накидкой. Вся его служба протекала на моих глазах.

Все умел наш ротный: и поддержать, когда трудно, и похвалить, и строго спросить, и пошутить, отдать солдату последний глоток воды, когда у самого губы от жары потрескались, спеть под гитару и первым пойти под огонь.

Служить нам выпало с ним в самом проклятом месте, в долине Панджшер. Кто был в Афганистане, это подтвердит. Обстрелы каждый день. Рейды по проводке колон. А это бои и бои.

На этот раз душманы повзрывали переправы, обрушили фугасами на дорогу скалу, чтобы нам ни с какой техникой было не пройти.

Роте был дан приказ форсировать реку и по скалам выйти в район завала, обеспечить восстановительные работы на дороге, не дать «духам» сорвать эту важную операцию.

Почему послали сюда именно нас? Наверно, потому что у вашего сына была под командой самая боевая, сплоченная и смелая рота. И командир наш был геройским и надежным человеком.

Бой был жестоким, «Духи» атаквали без конца. Переделали в форму афганской армии группу своих диверсантов.

Задание мы выполнили. А командира не смогли сберечь. Принесли его в часть на палатке, с пробитым сердцем. Трудно об этом писать. Ком горечи сжимает горло, мешает дышать. Галина Васильевна, Иван Петрович, прошу вас поклониться низко от меня и моей семьи над могилой вашего славного сына, моего боевого товарища и командира, светлая и вечная ему память.

Михаил Воловик.»

Из письма Александра Котлубея:

«Юрий Иванович к нам прибыл осенью 1984 года взводным в восьмую роту. Он, по натуре добрый и чуткий человек, быстро стал для солдат и командиром, и другом. Нам с ним пришлось всю зиму сопровождать колонны. Он быстро освоил вождение бронетранс-

портера в горах, где ширина дороги 3-4 метра, а дальше – пропасть. Тут особый нюх нужен и смелость. Характер у командира был волевой. Всегда говорил: «Спрашиваешь с других - значит, умеи сам».

Перед последней операцией Юрий Иванович ночевал в моем БТРе. У него был оформлен отпуск. Но он сказал, что поедет домой, выполнив поставленную задачу. Почти всю ночь мы проговорили. Он рассказывал о доме и родных. Я понял, что вас он очень любил. Я предложил ему в отпуск заехать к моим родным, они живут у самого Черного моря. Рассказал ему, какие у меня родители. Он пообещал съездить к моим родным, погреться на песке у моря.

Утром он увел роту к завалу в ущелье. С ним были Миша Воловик и санинструктор Мирошников... Таким людям, как ваш сын, надо бы жить и жить».

Из письма санинструктора роты Игоря Мирошникова:

«Последняя операция, в которой участвовал Юрий Иванович, была вызвана тем, что душманы взрывом сделали обвал скалы и перекрыли дорогу, ведущую к батальону афганцев. Те пытались несколько раз расчистить завал, но им это сделать не удалось. Душманы буквально поливали их огнем из пулеметов, минометов, применяли даже легкие пушки. Огонь вели из ущелья, в котором, как мы позднее узнали, находились их крупная база, госпиталь, склады оружия и боеприпасов, даже место для отдыха бандитов-наемников.

Роте поставили задачу – своим огнем блокировать выход душманов из ущелья, пока будет расчищен завал и к ущелью смогут выйти танки. Моей обязанностью было следовать по пятам за командиром роты.

Наша атака началась под огнем душманов. Двое солдат возле завала подорвались на mine. Командир приказал мне оказать им помощь, а сам повел вперед атакующую роту. Потом я бинтовал раненых за ручьем, вместе с ними отбивал атаки наседающих «духов», а потом вывел раненых вброд на свою сторону. Тут я и узнал, что командир наш погиб в бою. Это было огромным горем и трауром для всей роты.

В Афганистане, что офицер, что солдат служат по два года. И мы с Юрием Ивановичем были, как говорят здесь, «одного призыва», почти вместе пришли в роту. Командовать – всегда непросто, а на войне -- вдвойне. Не верьте тем, кто говорит, что в Афганистане не было «дедовщины». Она там тоже была и есть, толь-

ко, может быть, носит другие формы. Юрий Иванович умел при-тушить это зло, чтобы не ущемляли молодых, и в то же время авторитет послуживших, бывалых солдат держал в чести. Он никогда не отдавал приказов, не предвидя, кто и как сможет их лучше выполнить. Часто объяснял перед строем, почему поручает задание выполнить именно этому человеку, чем вызвано доверие.

Нашего командира отличало то, что он к любому военнослужащему относился прежде всего как к человеку, а потом уж как к подчиненному. Во всех походах свой сухой паек, теплые вещи и боезапас Юрий Иванович носил в своем рюкзаке, не «разбрасывал» на солдатские спины, как это делают многие. Вот почему все любили и уважали командира. Рота знала, что Ольков никого и никогда не бросит в трудный час. Ребята верили ему как себе. А это, наверное, самое главное, почему рота при нем была по-настоящему боевой. В его командах действовала не столько сила приказа, сколько сила правоты и правды. Я уверен, солдаты выполняли их из-за большого уважения к своему командиру.

Коллектив у нас был дружный. Многие любили и уважали замполита, многие – старшину, а командира любили все.

Мне кажется, из него бы вышел хороший руководитель и на гражданке».

Из письма Валерия Симакова, замполита роты:

«После гибели Юрия Ивановича мы словно осиротели. На сердце муторно, хоть плачь, но этим не облегчить горя. За операцию в горах пришли награды: 7 орденов и 5 медалей. Наш командир награжден орденом Красной Звезды, посмертно.

Его имя присвоено бронетранспортеру. Стальной «Капитан Ольков» продолжает громить душманов вместе с бойцами своей роты. Он будет здесь в вечном строю».

Да, тысячу раз прав Александр Котлубей. Такие люди, как Юрий Иванович, должны жить и жить. Такие парни во все времена необходимы нам всем, дорогому Отечеству. Но судьба распорядилась иначе. И все-таки главное в жизни мерило: не сколько прожить – как прожить! Юрий Иванович прошел по земле достойно и навсегда останется в благодарной памяти людей.

Уважаемый читатель!

Вот и закончилась книга о войне, вошедшей в жизни советских парней в 80-е годы, но не заканчивается наша П а м я т ь и наша Б о л ь. Да, еще немало будет сломано копий в спорах и дебатах политологов, общественных и государственных деятелей, историков, да и просто обывателей, о том, какая была эта война, нужна ли Советскому Союзу? Но все это уже история.

Но остались и живут среди нас участники тех событий, тех тревог и боев. Живут вдовы и оставшиеся сиротами дети, живут матери и отцы, потерявшие своих детей. Их утраты не восполнимы.

Суровым упреком и напоминанием политикам всех мастей и рангов стоят на российской земле памятники и обелиски воинам-интернационалистам, которые сложили свои головы в чистых помыслах о братской помощи афганскому трудовому народу. И честные люди Афганистана никогда этого не забудут и не осудят нас. И уже без зла, а может быть и с тоской - произносят так часто тогда звучавшее и полюбившееся афганцам слово - «шурави». Тем более, могут ли осуждать воинов-интернационалистов соотечественники, которые сами не пережили подобных чувств и утрат? О павших в боях говорят только хорошее, либо ничего. Нам с Вами остается одно – уважительное отношение к вернувшимся. Как сказал поэт:

*У памяти своя тропа.
Свои несчитанные сроки,
Свои особые истоки,
Своя высокая судьба.
Ее храня, ее держись –
И суть ее понятней станет:
Уходит жизнь – приходит память.
И память возрождает жизнь!*

Низкий поклон Вам, солдаты и офицеры, за стойкость духа, за верность воинскому долгу и военной присяге. Спасибо всем тем, кто помог нам по крупицам собрать эту память и передать новым поколениям живую правду о давних днях.

*Владимир Усманов, генерал-майор,
военный комиссар Курганской области*